

Весть о рассвете

詩
歌

КИТАЙСКАЯ
ПОЭЗИЯ XIX-XXI ВВ
В ПЕРЕВОДАХ ЮРИЯ КЛЮЧНИКОВА

ВЕСТЬ О РАССВЕТЕ

**КИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ
КОНЦА XIX —
НАЧАЛА XXI ВЕКА**

**В вольных переводах
и свободных переложениях
Юрия Ключникова**

Беловодье
2022

УДК [821.161.1-1+821.161.1-1=03.581](081)Ключников Ю.
ББК 84(2=411.2)-5я44+84(5Кит)-5я44+83.3(5Кит)-7Ключников Ю.я44
К52

К52 Весть о рассвете: Китайская поэзия конца XIX — начала XXI века в вольных переводах и свободных переложениях Юрия Ключникова: [12+] / составитель Ю. М. Ключников. — М.: Беловодье, 2021. — 356 с. — ISBN 978-5-93454-279-6.

I. Ключников, Юрий Михайлович, сост.

В книге представлены 99 стихотворений и миниатюр восьми китайских поэтов конца XIX — начала XXI века. Творчество Тань Сытуна, Лу Синя, Го Можо, Ай Цина, Чжэн Минь, Хай Цзы, Лян Сяомина демонстрирует поворот к новым ценностям, идеям и стилевым трансформациям, который произошёл в поэзии XIX, и особенно XX столетия, и который во многом связан с именем государственного деятеля Китая Мао Цзэдуна. Его стихи представлены в книге в максимально полном объёме.

Традиционные темы китайской поэзии — любовь, верность, красота природы, уединение, грусть от разлуки XX столетия дополняются новыми мотивами — воспеванием активности, романтики странствий и преобразованием жизни, готовности проявить волю, чтобы изменить судьбу. Неповторимые интонации и образы каждого из поэтов пробуждает интерес к китайской поэтической традиции и делают сборник интересным для широкого круга читателей.

12+

ISBN 978-5-93454-279-6

9 785934 542796

© ООО НПЦТ «Беловодье», 2022

© Ключников Ю. М., текст, 2022

© Ключников С. Ю., текст, 2022

ПОТАЁННЫЕ СМЫСЛЫ И СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Перевод традиционной китайской поэзии — всегда особый и очень непростой жанр. Если переводить дословно, иероглиф за иероглифом, то в результате перед читателем предстанут причудливые восточные арабески, красивые по форме, но малопонятные по содержанию. Если же делать свободный авторский перевод, то можно настолько далеко уйти от смысла, что от самих китайских авторов практически ничего и не останется. Золотую середину, где передается и смысл, и сам дух китайских поэтов, искали многие чудесные переводчики — и эти поиски продолжаются до сих пор. Старейший сибирский поэт и переводчик Юрий Михайлович Ключников (ему исполнился 91 год, и он демонстрирует даосскую молодость духа!) предложил свой, крайне интересный вариант интерпретации китайских поэтических текстов, где он стремится передать само биение сердца и мысли китайских поэтов. Он стремится показать китайскую поэзию через века и события как непрерыв-

вающуюся мысль о доминировании вечного над суетным и сиюминутным, потаённой красоты над старающимися занять её место уродством и пошлостью, чистого и спокойного сознания над суетливостью. Китайские поэты чаще всего и не поэты вовсе, это нередко чиновники, философы, администраторы, и поэтому нам непросто увидеть, что находится в душе у этих людей, скрытых за официальными одеждами. Ю. М. Ключников, по сути, стремится составить антологию китайской поэзии. Его предыдущая книга «Поднебесная хризантема: 30 веков китайской поэзии» включает в себя 400 стихотворений нескольких десятков поэтов от древнего «Ши-цзина» («Канона Песнопений») до стихов Мао Цзэдуна и Хай Цзы. Впечатляющий объём! А в это издание поэзии конца XIX — начала XXI веков добавлены новые стихотворения основателя современного Китая.

В данных переводах не стоит искать академической строгости — это, скорее, рефлексии, свободное изложение с соблюдением самого духа древних и современных авторов. И это честно признаёт сам автор. Юрий Ключников как крупный современный поэт и переводчик стремится обнаружить потаённые смыслы и донести их до нас — в этом его великая заслуга. И такие впол-

не успешные и литературно безупречные попытки передать все ароматы и смыслы зарубежной поэзии он делал не раз. Помимо китайских переложений он осуществлял художественные переводы французской, персидской, индийской, английской, немецкой, итальянской, испанской поэзии (всего восемь языков), пропустив через себя почти две тысячи стихотворений.

Книга «Весть о рассвете: китайская поэзия конца XIX — начала XXI века» включает в себя переложения стихов таких выдающихся поэтов, философов и политических деятелей Поднебесной, как Тан Сытун, Лу Синь, Го Можо, Ай Цин, Чжэн Минь, Хай Цзы, Лян Сяомин. И, конечно, особое место в книге занимают стихи Мао Цзэдуна. О результатах разных этапов его политической биографии спорят до сих пор, но все — и отечественные, и западные литературоведы — признают его неординарный поэтический дар и высокий литературный уровень. Юрий Михайлович Ключников, на мой взгляд, верно оценил и роль Мао Цзэдуна в истории Китая. Я как-то писал, что одной из задач Мао Цзэдуна как политического лидера было стремление «очистить, особенно молодое поколение китайцев, от неких воспоминаний о прошлом». Ю. М. Ключников, не являясь профессиональ-

ным китаеведом, пришёл к похожему выводу: «Мао оказался не только пророком-теоретиком, но и практиком-управленцем, распахавшим своей жёсткой деятельностью поле для последующих поколений. У истоков китайского взлёта стоит его одинокая фигура, хотя сам взлёт осуществили другие люди».

Интересен и другой вывод поэта: Мао Цзэдун перевёл китайский поэтический календарь с «лунного», созерцательного уровня, в котором было много реальных поэтов-гениев, на «солнечный» уровень, воспевающий действие и человеческую активность. В самом деле, в творчестве китайских поэтов XX века культ солнца и яркого начала стал гораздо заметнее. Возможно, поэты новой волны ещё не накопили такого творческого потенциала и мастерства, как Цюй Юань, Ван Вэй, Ли Бо, Су Ши и Бо Цзюйи, но их творчество находит созвучие с проблемами современного мира и отвечает на многие вопросы, встающие именно перед современными людьми.

Ценность книги в том, что она позволяет оценить красоту китайской поэзии благодаря высокой культуре русского классического стихосложения, которую демонстрирует творчество Юрия Михайловича Ключникова. Он показал нам неисчерпаемые возможности русского

языка и силу своего метода, при котором китайская поэзия в его переводе становится фактом русской поэзии и при этом сохраняет китайский колорит и своеобразие. И такое изложение, безусловно, помогает лучше понять те потаённые глубинные смыслы, которые всегда отличали русскую и китайскую поэзию.

Алексей Александрович Маслов,
доктор исторических наук, профессор,
директор ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова

КИТАЙСКАЯ ЛИРА ДВУХ СТОЛЕТИЙ

Предисловие издателя и сына

В книге, которую вы держите в руках, представлено творчество восьми ведущих поэтов Китая конца XIX — начала XXI столетий и популярных не только в Поднебесной, но и во всём читающем мире. Большая часть этих стихотворений были опубликованы ранее и вошли в книгу вольных переводов китайской поэзии моего отца, поэта и переводчика Юрия Михайловича Ключникова, «Поднебесная хризантема» (2018). Однако, поскольку интерес к китайской поэзии не спадает даже в наше беспокойное рыночное время, когда людям не до книг, мы решили повторить издание, сосредоточившись на современной китайской поэзии. В данном сборнике гораздо более полно, нежели в «Поднебесной хризантеме», представлено поэтическое творчество Мао Цзедуна (в прошлом сборнике было опубликовано 25 стихотворений и миниатюр, а

в этом — уже 57, возможно, всё, что было создано Великим Кормчим в стихотворном жанре). Именно Мао Цзэдун, совершивший грандиозный поворот в китайской истории, оказал влияние и на китайскую поэзию, внося в неё совершенно новые черты. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что были поэты в XIX веке (в частности, Тань Сытун), которые подготовили и идеологическую базу, и темы, и эстетику для обновления поэзии Поднебесной в XX веке. Переводы Мао Цзэдуна и статья Ю. М. Ключникова «Поэтический взлёт Поднебесной на крыльях истории» были дважды опубликованы в российской печати (первый раз — в журнале «Наш современник», второй — в журнале КПРФ «Политическое просвещение»).

Книга переводов китайской поэзии «Поднебесная хризантема» была высоко оценена целым рядом известных китаеведов — доктором исторических наук, профессором З. Г. Лапиной, поэтом, переводчиком и китаеведом Б. Б. Виноградским, доктором филологических наук, почётным профессором Шанхайского университета С. А. Небольсиным, исследователем истории Китая В. Ц. Головачёвым и, наконец, замечательным китаеведом, доктором наук, лауреатом Государственной премии за шеститомник,

посвященный Китаю, Анатолием Евгеньевичем Лукьяновым, к сожалению, недавно ушедшим. Анатолий Евгеньевич согласился быть научным редактором поэтической части сборника и внёс множество ценных правок и замечаний в текст, которые сохранены и в данном сборнике. Вот что он писал мне по этому поводу: «Переводы и поэтическое творчество “Поднебесной Хризантемы” Юрия Михайловича замечательно! Когда выйдет книга, с заинтересованностью и удовольствием напишу отзыв на поэтический труд Юрия Михайловича. Это уникальное явление в нашей культуре!»

Он очень хорошо отзывался о переводах стихотворений Мао Цзэдуна, сделанных Ю. М. Ключниковым, считая, что они точно передают дух поэзии китайского лидера, и поддерживал идею издания отдельной книги, планируя написать к ней предисловие. К сожалению, жизнь распорядилась иначе.

Великая китайская поэзия когда-то была понятной не только образованным людям Поднебесной, но и простому народу. Однако к середине XIX столетия большинство населения Китая перестало воспринимать книжную культуру утончённых высших классов, которые на эстети-

ческом и культурном уровне практически полностью отошли от своих корней. Конечно, этот процесс имел предысторию, нарастал постепенно, и в конце XIX столетия начало складываться новое понимание назначения поэзии. Оно было продиктовано импульсами, задаваемыми Большой Историей, или, как выражался Даниил Андреев, Метаисторией. Громадные исторические процессы преобразования страны начались задолго до выхода Мао Цзэдуна на историческую арену. Страна стала пробуждаться от векового сна, в ней появились политики и мыслители, которые думали о независимом Китае. Китайские интеллектуалы и художники, создававшие в прежние времена великие творения, но варившиеся, как принято говорить, в собственном «национальном соку», стали знакомиться с западной культурой, философией, прозой, поэзией. Идеологами обновления поэзии стали китайские просветители Тань Сытун, Хуан Цзуньсянь, позднее Лу Синь.

Советский синолог, академик Н. Федоренко писал: «Заслуга ознакомления Китая с именами Байрона, Шелли, Пушкина, Лермонтова, Мицкевича, Петефи и других поэтов принадлежит Лу Синю, задолго до “движения 4 мая” начавшему пропагандировать их творчество, в котором он

видел дух сопротивления и призыв к действию. Немалое влияние оказало на нарождавшуюся новую китайскую поэзию творчество Гёте, Гейне и особенно Уитмена. Некоторые поэты испытали влияние стихов Тагора».

Просветители призывали к «революции в области поэзии», ратовали за использование более простого языка. Он должен был стать более понятным народу и помочь введению в поэзию тем и образов современной жизни.

Однако более масштабное переосмысление всей поэтической эстетики началось позднее, с «Движения 4 мая». Его суть — в объединении ряда деятелей культуры в их протесте против всесилья тогдашнего литературного языка — «вэньяня», на котором писали все великие поэты прошлого, в требовании разрешить им писать на «байхуа» — народном языке. Позднее Мао Цзэдун, понимая всю утончённость языка иероглифов вэньяня, недоступного многомиллионному народу, поддержал это движение. После выступления представителей «Движения 4 мая» в китайской литературе начался массовый переход на новый, народный разговорный язык. Уже через год около 400 различных газет и журналов перешли на байхуа. Были радикально трансформированы традиционные стихотвор-

ные формы и размеры стихотворений, фразы стали выделяться в отдельные строчки, появились знаки препинания.

А среди поэтов начали появляться представители самых разных слоёв, в том числе и выходцы из крестьян. Это упростило и оживило поэзию. Литератор Лу Синь призывал отказаться от изучения мертвого вэньяня и максимально активно использовать разговорный язык байхуа. Китайская поэзия разделилась на два направления — реализм и эстетский формализм. Наиболее яркие реалистические поэты того времени — Ай Цин, Го Можо, Цзан Кэцзя, Цзян Гуанцы, Цюй Цубо, Чжэн Чжэньдо, Лю Баньнун.

О роли Мао Цзэдуна в развитии поэзии XX столетия следует сказать особо. Парадоксальность личности и эстетики Мао Цзэдуна заключалась в его отношении к языку. Утверждая новые ценности и призывая молодёжь писать и говорить на байхуа, сам председатель Мао продолжал писать на вэньяне. «Левак» в политике, Мао Цзэдун в стихах остался верен древним традициям.

И дело здесь не в том, что он был человеком в возрасте, которому трудно перестроиться на новый поэтический язык. Как наследник института императоров, сам «красный император», Мао

Цзэдун просто не мог себе позволить говорить в стихах на языке «площадей и улиц». Его поэзия загадочным образом сочетает в себе аристократизм, даже некую сакральность прежней классической школы, в то же время народность. Его вэньянь звал одновременно и в древние, и в вечно новые дали.

Это тоже яркая особенность китайской культуры, свойственной Мао и его соратникам. Среди них были очень талантливые и хорошо знающие западную культуру люди, вроде Го Можо, Лу Синя и Ай Цина. Они пошли за новой эстетикой, активной, энергичной, солнечной, излучающей исторический оптимизм и в то же время неразрывными узами связанной с прошлой культурой Китая. Пошли не из страха и не от желания приблизиться к власти, но от ощущения, что за таким подходом — большая историческая правда. Думаю, они пошли потому за Мао и за его поэзией, что через этого человека мощно проявлялся дух Дао.

Интересное наблюдение высказал американский поклонник таланта великого кормчего, литературовед Л. Бурман: «Китайский лидер вовсе не навязывал свою склонность к вэньяню. Он даже предупреждал, что молодым поэтам следует писать проще и не стоит тратить время

на поиски соотношения традиции и современности. Между тем, китайская молодёжь именно на эту сторону творчества Мао как раз и обратила внимание».

Юрий Ключников пишет: «Переворот, произведённый Мао Цзэдуном в китайской поэзии, внушительен. Можно сказать, что он повернул поэтический календарь Поднебесной с лунного на солнечный. Это проявилось в том, что китайские поэты, ранее тяготевшие к воспеванию красот лунного света в небе или на озере, стали писать о солнце. Но это не просто смена одного небесного объекта для поэтического вдохновения на другой. Всё-таки луна — это отражённый призрачный свет и символ более пассивного начала. В то время как солнце символизирует световую активность, ясность и волевое бытие. В творчестве таких поэтов, как Сытун, Го Можо, Ай Цин, и даже у ряда «туманных поэтов», каким отчасти был Хай Цзы, появилось множество стихов, буквально пронизанных солнечным светом, оптимизмом, обращением к Дао человеческой активности, воле, целеустремленности. Сегодняшний Китай развивается, скорее, под солнечным Дао, нежели под лунным.

Все эти соображения заставили меня обратить особое внимание на стихи Мао Цзэдуна,

тем более что они оказали немалое влияние на поэзию Латинской Америки».

Поэт признаётся, что ему было непросто передать в переводах стихов Мао Цзэдуна его сложные образы и символику и приходилось в какой-то степени русифицировать стиль. В советское время его попытались причесать под народного поэта, что справедливо только отчасти: Мао, одновременно со своей народностью, — элитарный поэт-традиционалист, поэзия которого многопланова и сложна. Эксперты-китаеведы (Н. М. Азарова) справедливо утверждают, что нередко уже подстрочник был выстроен в упрощенном идеологическом ключе. Советскую подборку переводов Мао Цзэдуна, вышедшую в 1957 году в библиотеке журнала «Огонёк» (среди переводчиков были и корифеи советской поэзии Н. Асеев, С. Маршак, А. Сурков, М. Басманов, Л. Эйшлин и др.), сегодня дополнил биограф китайского лидера и автор книги о нём в серии ЖЗЛ, востоковед, маститый профессор Капитолийского университета США А. В. Панцов. Он выпустил в 2009 году в издательстве «Вече» книгу переводов великого Кормчего «Зимние облака» и отметил, что «лучшие лирические стихотворения Мао Цзэдуна не уступают общепризнанным образцам китайской поэзии».

Юрий Ключников признаётся, что, возможно, его поэтические интерпретации творчества Мао Цзэдуна отличаются от уже опубликованных: «Я попытался представить свой взгляд на поэзию Мао Цзэдуна и передать солнечный пророческий дух поэзии Мао, как я его понимаю и чувствую». Впрочем, так поступает любой поэт-переводчик, приступая к своим поэтическим переложениям чужого текста.

Сергей Ключников,
кандидат философских наук,
член Союза писателей России,
главный редактор Издательского дома
«Беловодье» и журнала «Наука и религия»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МАО ЦЗЭДУН

ПОЭЗИЯ И СУДЬБА ВЕЛИКОГО КОРМЧЕГО

Сразу оговорюсь: всё, что я пишу о Мао Цзэ-дуне, — это взгляд русского человека, поэта и переводчика на китайского политического гиганта XX века, волей судеб оказавшегося очень сильным поэтом. Моя вводная статья к разделу его стихотворений будет несколько превосходить по размеру статьи, написанные о других китайских поэтах. Но не потому, что я являюсь поклонником маоизма (если уж на то пошло, мне куда ближе моизм*). Хотелось бы восстановить историческую справедливость и дать больше информации: в России о Мао Цзэдуне сложилось неоднозначное мнение, хотя речь идёт не просто о поэте, но и о крупнейшем политике XX столетия. Я прекрасно отдаю себе отчёт, что среди других китайских поэтов есть гении, уров-

* *Моизм* — древнекитайская философская школа V—III веков до н. э., которая разрабатывала программу усовершенствования общества через знание.

нем своего поэтического дарования, безусловно, превосходящие Великого Кормчего. Но если поэтическое творчество Мао Цзэдуна сравнивать с поэзией других государственных деятелей мира того же XX века (в прошлом сильные стихи писали Шарль Орлеанский, Маргарита Наваррская, Елизавета Первая) — с литературным творчеством Сталина, Лукьянова (писавшего под псевдонимом Осипов), аятоллы Хомейни, Е. М. Примакова, — то поэзия Мао Цзэдуна несомненно находится на самых первых местах.

Будущий вождь Поднебесной родился 26 декабря 1893 года. Семья Мао Цзэдуна считалась довольно зажиточной. Отец его был землевладельцем и строгим конфуцианцем по взглядам, мать будущего жесткого политика, мягкая по характеру женщина, исповедовала буддизм и пыталась привить его сыну. Мао Цзэдун в детстве исповедовал буддизм (как это может делать ребёнок), но в юношеском возрасте оставил эту религию. С матерью юный Мао был очень близок и даже посвятил ей стихи, в то время как с отцом конфликтовал. Отец отдал сына в школу, где тому приходилось заниматься заучиванием наизусть канонических конфуцианских книг. Учёба в школе Мао не понравилась, и будущий революционер оставил её, тем более что мате-

риальная ситуация в семье требовала помощи отцу. Тот вёл себя авторитарно и, не спрашивая согласия сына, в четырнадцатилетнем возрасте женил его на 20-летней девушке. Правда, Мао не прожил с ней ни дня. Он активно сопротивлялся попыткам отца навязать ему жизненный сценарий, согласно которому сын должен был продолжить дело отца и стать торговцем, и рано покинул дом. Однако позднее он периодически возвращался к родителям. Убежав из дому, он перебивался случайными заработками, но продолжил своё образование и какое-то время брал частные уроки у юриста, а затем у пожилого учёного, изучая классическую литературу Поднебесной. После этого он поступил в школу, где успешно учился и продемонстрировал перед учителями хорошее знание классики и канонического конфуцианства. Некоторые книги он выучивал наизусть. Он говорил о себе позднее, что уподобился буйволу, попавшему в огород и поедавшему всё, что там росло.

Юноша активно изучал книги по китайской и мировой истории, философии (особенно его привлекал Кант), классической западной литературе, штудировал биографии исторических деятелей (Наполеон, Пётр Великий, Екатерина Вторая, Руссо, Линкольн, Веллингтон).

В возрасте 18 лет Мао Цзэдун на короткое время присоединился к армии губернатора, где познакомился с идеями социализма, которые произвели на него огромное впечатление. Он покинул армию, на время вернулся в деревню, где помогал отцу. А потом поступил в педагогическое училище, где активно занимался самообразованием. Наступил черёд изучения Кропоткина, философии анархо-социализма, мировой истории. На молодого революционера оказали большое влияние идеи движения за новую культуру, набиравшего в те годы популярность в Китае и которого придерживался любимый учитель Мао Цзэдуна, профессор Ян Чанцзи. Движение ставило перед собой задачи соединить интеллектуальные достижения Запада с вековой мудростью и духовными традициями Китая. Сочинения и рефераты пользовались успехом и вывешивались на стенах училища как образцы. Молодой искатель начал писать политические статьи, создал вместе с друзьями общество «Обновление народа». Через какое-то время перебрался в Пекин, чтобы готовиться к поездке на учёбу во Францию, познакомился с идеями Маркса и Кропоткина, женился. После 1920 года период интеллектуальных и политических исканий

закончился. Мао Цзэдун выбрал марксизм, быстро сделал партийную карьеру. Именно к этому времени относятся первые поэтические опыты будущего Великого Кормчего. Вскоре в стране началась смута, порождённая госпереворотом Чан Кайши. Мао объединяется с гоминьдановцами, затем разрывает с ними, участвует в восстании «Осеннего урожая», которое было подавлено. Для Мао Цзэдуна это было сложное время, он знал и победы, и поражения. Так на пленуме ЦК КПК он был исключён из числа кандидатов в члены Временного политбюро с формулировкой «за ошибки, совершённые хунаньским провинциальным комитетом», а конкретно — за установку в борьбе с противником, прежде всего, на военную силу и за левацкий подход. Однако упорная борьба молодого революционера помогла ему преодолеть кризис и постепенно возглавить Компартию Китая.

После поражения восстания Мао с остатками войск бежал в горы. Позднее он создаёт в провинции Цзянси разновидность республики, проводит реформы, касающиеся земельного вопроса и расширение прав женщин. Мао борется против своих противников и все чаще одерживает победы. Борьба обостряется, и бойцы несут

взаимные потери: противники захватывают и казнят жену Мао Цзэдуна, Ян Кайхуэй, позднее гибнут двое его сыновей.

Затем происходит столкновение с Гоминьданом: руководство КПК принимает решение уйти от прямого столкновения с превосходящими силами противника. Армия повстанцев совершает свой знаменитый бросок на север, воспетый многими поэтами, и Мао Цзэдуном в том числе. Несмотря на огромные численные потери, КПК Китая удаётся быстро восстановить свои ряды. Постепенно армия Мао Цзэдуна собирается с силами и наносит своим противникам сокрушительное поражение.

Параллельно с боевыми действиями Мао Цзэдун создаёт свою идеологию и более прагматичную версию марксизма «с китайским лицом» — маоизм, суть которого в опоре не на пролетариат, слабый в тогдашнем Китае, но на крестьянство. Благодаря идеологии и практике Мао Цзэдуну удалось привлечь на свою сторону значительную часть населения и сокрушить гоминьдан, приведший страну к кризису. Это расчистило будущему лидеру Поднебесной путь на самый верх. В 1943 году он становится председателем Политбюро и Секретариата ЦК КПК, а в 1945 году — председателем ЦК КПК.

1 октября 1949 года была образована Китайская республика, которую возглавил Мао Цзэдун. Он управлял Китаем до самой своей смерти — 9 сентября 1976 года.

Мао Цзэдун проявлял идеологическую гибкость, в какие-то периоды выступая за интернационализм, а в другие периоды начинал пропагандировать национализм. Он грамотно проводил аппаратные компании, умел работать со СМИ и постепенно установил над ними полный контроль, также добился полной власти над органами безопасности. Все противники Мао, каким-то образом сотрудничавшие с гоминьданом и японцами, были вынуждены публично покаяться в этом сотрудничестве, согласиться с тем, что их взгляды были ложными. Он был очень сильным человеком и всегда добивался своих целей, а поражения умел превращать в победы. Отличался большой силой влияния на людей, способностью убеждать других в своей правоте и воспитывал в людях личную преданность. Мао Цзэдун постепенно заменил абстрактную марксистскую идеологию на марксизм с китайской спецификой, позже получившую название в мире «маоизм». На седьмом съезде КПК в 1945 году Мао Цзэдун был избран на пост председателя.

В своей политике Мао Цзэдун во многом руководствовался подходами Сталина, которого очень уважал. Но после развенчания Сталина на XX съезде СССР он резко охладел к Хрущеву и СССР и улучшил свои отношения с Америкой. До конца своих дней он не мог простить Хрущеву отказа от преимущества в своей политике к нашей стране и критики «культа личности».

В небольшой вводной статье нет смысла отражать огромную биографию Великого Кормчего и описывать его жизнь, насыщенную разнообразными яркими событиями, какие и должны быть у профессионального революционера, или комментировать такие сложные и драматические периоды судьбы Мао Цзэдуна, как его приход к власти, гражданская война в Китае или период «культурной революции». Можно поучиться сдержанности у самих китайцев, которые на вопрос «как вы оцениваете роль Мао Цзэдуна в жизни Китая?» высказываются примерно так: «на две третьих Мао прав, на треть ошибался, но пусть оценку дают учёные и будущие поколения». Недавно в Китае открылся огромный мемориальный комплекс, посвящённый Мао Цзэдуну. Важнее осветить его взгляды на культуру, литературу, на соотношение национального и общечеловеческого в поэзии.

Несмотря на созданный в западных СМИ образ малообразованного, Мао Цзэдун на самом деле был просвещённым человеком, блестяще знавшим национальную китайскую философию и поэзию и весьма неплохо ориентировавшимся в западной философии. Он изучал также и русскую литературу. Пассионарный человек, каждый день жизни которого был от и до заполнен борьбой, периодически испытывал потребность излить своё душевное состояние на бумагу. Мао сочинял стихи с юного возраста и в какой-то период времени подумывал даже о том, чтобы стать профессиональным поэтом. Но воля к активной деятельности и к власти победила. Мао Цзэдун стал политиком, который с нуля, из самых недр народной жизни, сумел стать лидером крупнейшего в мире государства, чей возраст, по мнению большинства учёных, составляет не менее 5000 лет. Но политиком особым, который иногда пишет стихи, причём весьма яркие и талантливые.

Если к Мао Цзэдуну как политику относятся в Китае по-разному, то как поэта его почитают даже те, кто не разделяет взглядов китайского вождя. Речь идёт даже не о художественных достоинствах стихов китайского лидера. Они поражают глубиной, разносторонностью, слит-

ностью мысли, слова и поступка, а главное — непреклонной пророческой убеждённой в исторической правоте автора. Мао признавался, что писал стихи всю жизнь, даже, как говорится, «в седле», в прямом и в переносном смысле слова. Значительную литературную одарённость политического лидера Поднебесной признавали при его жизни незаурядные интеллектуалы и литераторы Европы, Африки, Северной и Латинской Америки, Тайваня. Вспомним личные беседы Мао Цзэдуна с легендарным Че Геварой, увлечение молодого Нельсона Манделы опытом борьбы китайского вождя.

Впечатляют широта и разнообразие тем, затронутых в стихах, присутствие любовной и пейзажной лирики, философские раздумья, острая политическая сатира, и в то же время отсутствие плакатности в произведениях революционной тематики, — обо всём Мао умел говорить нетривиально и свежо. Привлекает в творчестве поэта-политика оригинальная связка новаторства и традиционализма. Китаевед Н. М. Азарова, в своей статье в «Новом мире» убедительно показавшая, что Мао не просто хороший поэт, но «возможно, поэт первого ряда», подчёркивала, что «для современных китайских поэтов Мао — поэт-новатор, стиму-

лировавший поэтическую смелость в коммунистическом Китае».

Сам Мао относился к своему литературному творчеству очень серьёзно, находя для него вечерние и ночные часы как в походах, так и в условиях жесточайшей партийной борьбы. При этом был человеком весьма скромным — решил на первую поэтическую публикацию только в шестидесятипятилетнем возрасте, спустя шесть лет после прихода к власти. В его стихах мало полутонов: они отличаются значительно большей определённой, нежели большинство стихотворений, созданных поэтами прошлого.

Академик В. Мясников восхищался обширной библиотекой Мао, его образованием и способностью к самообразованию: «Традиционализм впитывался Мао Цзэдуном со школьной скамьи, при чтении художественно-исторической литературы, посещении традиционного китайского театра и от уличных народных сказителей. Первым его учебником был конфуцианский канон “Луньюй”, который он часто цитировал. В яньваньских пещерах Мао постоянно вспоминал примеры из истории Китая, цитировал классические книги древности. В произведениях Мао часто встречаются упоминания сюжетов и персонажей исторических романов “Троецарствие”,

“Речные заводы”, “Путешествие на Запад”, приводятся примеры из истории династий Цинь, Хань, Тан и Мин. К концу жизни Мао Цзэдун достиг высоких степеней образованности. Он изучал древние и современные книги, китайских и иностранных авторов, штудировав литературу по таким дисциплинам, как философия, логика, эстетика, религия, экономика, политика, военное дело, художественная литература, история, география, естественные науки, техника».

Китайский лидер знал западную философию, античность, Гегеля, мировую художественную классику. Особенно он увлекался философией Канта, по-видимому, находя общее между «вещью в себе» и таинственной силой Дао. По широте образованности, в сравнении с другими политиками авторитарного толка, его можно сопоставить со Сталиным, чья библиотека насчитывала более 20 000 книг, испещрённых пометками. Мао не только сам много читал, но призывал кадровых партийных работников образовывать себя. Любил повторять: «Век живи — век учись». А. Н. Громыко, неоднократно встречавшийся с Мао Цзэдуном, заметил, что его визави «старую китайскую философию считал своим родным домом, основательно её штудировал и говорил об этом».

Но легендарный китайский вождь не только очень хороший поэт, он — поэт-пророк. Хотя мало похож на такового в привычном для нас смысле слова. В стихотворении «Куньлунь» Мао мечтал разрубить этот грандиозный горный хребет (китайскую западную часть Гималаев) на три части. Одну отдать Европе, вторую — США, третью — оставить Китаю. И что? Причудливые планы китайского вождя осуществились неожиданным образом. Китайцы прорубили в Куньлуне трассу железной дороги длиной в 1 200 км, и туда хлынул поток туристов, преимущественно из Европы и Соединённых Штатов. Мао оказался не только пророком-теоретиком, но и практиком-управленцем, распахавшим своей жёсткой деятельностью поле для последующих поколений. У истоков китайского взлёта стоит его одинокая фигура, хотя сам взлёт осуществили другие люди.

К таким «другим» можно отнести не только Дэн Сяопина, но и нынешнего политического вождя Китая — Си Цзинпина, которого «красный император» 15-летним подростком вместе с отцом (сподвижником Мао Цзэдуна) на долгие годы сослал в деревню «на перевоспитание». И что? Пройдя там суровейшую школу жизни, он сегодня стал мировым политическим лидером.

При этом не только простил своего обидчика, но и поклонился ему и неоднократно читал перед телекамерами наизусть его стихи.

Это удивительное, я бы сказал, христианское отношение к гонениям настолько восхитило меня, что я посвятил китайскому лидеру сонет, где попытался отметить его созвучие с христианскими идеями прощения своих обидчиков:

КИТАЙСКИЙ СОНЕТ

Мы не привыкли с чингисхановых времён
Сгибать перед гостями нашу спину.
Снимаю шапку, шлю земной поклон
Приехавшему в Сочи Си Цзинпину.

Россию трудно удивить судьбой.
Гигант по мужеству, терпению и росту,
Он выиграл свой небывалый бой,
Зажёг над миром угасающие звёзды.

Был обвинён несправедно, судим
В родной стране ещё подростком юным.
И голову склонил перед обидчиком своим
И грозным судией — Мао Цзэдуном*.

---

* Известно, что нынешний руководитель Китая прилюдно и вслух читал в музее Мао Цзэдуна его стихи.

Да сбудется двоих бессмертная мечта —
Вернуть земле Мо-цзы* и нашего Христа.

Историческая интуиция Мао Цзэдуна про-
бивалась даже через его ошибки. Отрицая око-
стенелое конфуцианство (не самого Конфуция),
он в конце концов запустил в практику закон
«отрицания отрицания» в его китайской интер-
претации и парадоксальным образом получил
утверждение. Сегодня Китай создаёт по всему
миру институты Конфуция. А в самой стране
создана здоровая мода на изучение традицион-
ной китайской культуры. Новое, живое конфу-
цианство и новая, подлинная культурная рево-
люция, происходящая сегодня в Поднебесной,
стали мощной альтернативой глобализации и
обществу потребления, растлевающая идеоло-
гия которого ныне угрожает самому Китаю. Об-
новлённая древняя философия должна помочь
Поднебесной одержать победу над влияниями
Запада. По мнению экспертов, Китай сегодня
сам готов потеснить США и возглавить глоба-
лизацию под конфуцианским знаменем. Похо-
же, что Мао и как политик, и как поэт каким-то

---

* *Мо-цзы* (ок. 470 — ок. 391 до н. э.) — древнекитай-
ский философ, разработавший учение о всеобщей, бес-
пристрастной любви и провозгласивший любовь главным
принципом Мироздания.

образом это всё предвидел и знал. Возможно, поэтическая интуиция помогала политику заглянуть в грядущее и приблизить его.

Сам лидер китайской революции, создавая историю весьма жесткими методами, конечно, видел будущее иным — гуманным и светлым. Потому-то периодически уходил в столь мирное и прекрасное занятие, как написание стихов. И это у него очень хорошо получалось. Вчитаемся в стихи Великого Кормчего и попробуем ощутить через строчки этот мощный пассионарный дух Истории.

**МАО ЦЗЭДУН
(1893—1976)**

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Горы

Горы!
В просторы к вам гоню хлыстом коня,
Проснувшись рано.
Туманы сонные вас прячут от меня,
Хлещу туманы.

Горы!
Узоры ваших каменных морей,
Сложили складки.
Восторг рождаете в душе моей,
Зовёте к схватке.

Горы!
В озёра неба, в нежность облаков
Вонзили пики.
Так землю подпираете. Таков
Ваш долг великий.

Снег*

Я на север взглянул — там кругом белизна,
Новых красок и сил ожидает весна.

О весенних потоках мечтает Восток,
Льдом застыл на горах голубой водосток.

За хребтами далёкими кружится снег,
Словно сбивший с верных путей человек.

---

* В прозаических комментариях к этому стихотворению Мао Цзэдун писал безо всякого стеснения, что поставил прямую задачу поэтическими средствами раскрыть политическую задачу — описать освобождение страны от тысячелетнего феодального гнёта. Верный своему стихотворному стилю и классической традиции, он сделал это на тех образах и метафорах, которыми пользовались поэты древности. Вместе с тем освободил стихи от налёта грусти, элегичности, «лунности», которая свойственная всей классической китайской поэзии даже в её лучших образцах.

Такой сплав нового духа и древней образности, как считают специалисты, и ставят стихи Мао Цзэдуна в один ряд с крупнейшими образцами классики. Я освободил стихотворение «Снег» от некоторых собственных имён, затрудняющих их восприятие широким кругом читателей. Но в комментариях считаю нужным отметить, что «великий кормчий» называет в их числе великих императоров Поднебесной, пытавшихся жестокими методами освободить Китай от вековой спячки. Среди них имя Чингисхана. Этот завоеватель Китаем не овладел, зато императором Поднебесной стал его потомок Хубилай. Здесь важно отметить,

Спит река подо льдом, выются кольца над ней,
Белоснежные кольца серебряных змей.

Сплошь на севере нашей любимой страны
Горы дремлют громадные, словно слоны.

Как захватчиков звал с незапамятных пор
Поднебесной страны необъятный простор!

Дух наш скован столетия снегом и льдом,
Жил мечтой о свободе отеческий дом.

Императоры грозные, бури, враги
Расковать не сумели течение реки.

Лишь сегодня приходит к героям весна
Пробудить азиатскую землю от сна.

что время их «поэзии» (так в тексте и говорится об этих суровых правителях) ещё не пришло. Это время, по словам диктатора, приходится на его эпоху. Сам он руководствовался отнюдь не конфуцианскими методами управления, предпочитал властвовать с помощью философии легизма, а там царило правило: «чем крепче плеть, тем лучше государству, и наоборот: чем она слабее — тем ему хуже».

Нет возможности раскрывать весь «векер мыслей» в данной связи, также рассуждать на тему «несовместности гения и злодейства». Кстати, автор данной формулировки, Пушкин, не отрицал гениальности Ивана Грозного, Петра Первого и Наполеона. Думаю, живя сегодня, признал бы такое качество и за Мао Цзэдуном.

Люпаньшаньский хребет

Высоко в небесах перелётные гуси
Покорить призывают пространства свои.
Если сдался препятствиям, если ты струсил,
Человеком Китая себя не зови.
Половина отечества пройдена нами,
Впереди возвышается древний хребет.
Водрузить предстоит там победное знамя,
А иного решения попросту нет.
Повинуемся зову хребта и закону —
Свяжем лапы верёвкой седому дракону.

1935

Чанша*

Днём осенним, сияющим солнечным днём,
Я стою над рекой и люблюсь закатом,
Вижу горные склоны в наряде цветном,
Мандариновый остров и много загадок...
Реку север влечёт, а орла — небосвод,
Рыба плещется на мелководье.
Всё живое своим распорядком живёт,
Ухватившись за чьи-то поводья.
По зелёному руслу великой реки
Целый день беспрерывно снуют челноки.
Наблюдая картины природы родной,

---

* Родина Мао Цзэдуна.

Величавой, могучей, спокойной, прекрасной,
Понимаешь — не мы управляем страной, —
Кто-то более сильный, премудрый и властный...
Вспоминаю далёкое время своё,
Споры долгие, юные страсти.
Так хотелось страну и её бытие
Подчинить нашей собственной власти!
Но житейские наши в пути челноки
Задержало течение великой Реки.

Великий поход*

По рекам, горам и полям мы прошли
С боями за год двадцать тысяч ли**.

---

* Немногословный великий кормчий, как иногда всерьёз, а иногда с иронической усмешкой называют Мао Цзэдуна историки, откликнулся на событие стихотворением, где всего восемь строк. В них перечисляются, главным образом, географические точки Похода, что массовому русскому читателю ничего не говорит. Зато любой китаец понимает масштабы и трудности великого военного Подвига. Я постарался освободить свой перевод от топонимов, акцентировал внимание на духе стихотворения и сдержанности автора. Оставил те же 8 строчек.

** Ли — 0,6 км. Таким образом, во время Великого Похода за один год, с октября 1934 по октябрь 1935 года, китайская Красная армия прошла пешком (и лишь немногие солдаты на лошадях) 12 000 км, потеряв 90 процентов личного состава. Приходилось сражаться не только с гоминьдановцами, но и с японскими захватчиками. Вот какие дела стоят за скупым стихотворением в восемь строк.

Пять горных хребтов у нас за спиной.
Там снег по колено и скалы стеной.
Круты берега нами пройденных рек,
Стремителен был их течения бег.
Но мы одолели усталость и страх
Улыбкой и песней на смелых устах.

Дабайди*

Красный, желтый, синий, лиловый
Небо построило ряд...
Не выразить самым прекрасным словом
Этот мирный закат.
Когда-то здесь пушки били по цели,
Царили иные цвета.
Пули свистели, взрывы гремели...
И вот покой, красота.

Слаблю мэйхуа**

Да, снег и дождь идут при цвете слив.
Но человек не должен быть тосклив.

---

* Город в Китае, где шли ожесточённые бои между Красной армией и гоминьдановскими войсками.

** *Мэйхуа* — сорт сливы, прославленной в китайской поэзии с древнейших времён. Это плодовое дерево воспевали безымянные великие поэты «Ши цзина», Ли Цинчжао, Ли Бо и другие знаменитости. Дело в том, что данный сорт сливы цветёт алым цветом в самом конце зимы, когда

Его задача — в будущее взгляд,
Там все цветы весной заговорят.
Они покроют горы и поля,
Проснётся обновленная земля.
И ты, поэт, стряхнув оковы сна,
Скажи: «Приветствую тебя, весна!»

Башня Жёлтого аиста

На востоке Янцзы,
Где притоки река собрала,
Башня древняя
В небе осеннем маячит.
Башня Жёлтого аиста*
Сердцу китайца мила,
Потому что приносит

на горах, а кое-где и в полях, ещё лежит снег и очень холодно. Мэйхуа также символ выносливости в китайской символике, выдерживает температуры до -50 °С. Стихотворению Мао Цзэдуна предшествует такая ремарка автора: «Прочитав стихотворение Лу Ю (великий китайский поэт, 1125—1210) “Воспевая цветы сливы”, я захотел оспорить точку зрения автора». Дело в том, что прекрасные стихи Лу Ю ставят грустный акцент на недолговечность цветения мейхуа, цветы быстро опадают. «Спор» же Мао — в перенесении акцента с грусти на оптимизм: скоро весна покроет цветами всю землю. Что ж, великий китайский вождь имел свои основания для этой метафорической правоты.

* Сооружена в III веке на том месте, где, по преданию, вознёсся в небо даосский святой.

Своим пилигримам удачи.
Признаюсь откровенно,
В местах этих не был давно.
Наконец, побывал
На горе-черепaxe* в ненастье.
И обычай исполнил —
Здесь выплеснул в реку вино.
Пусть вернётся в Китай
Жёлтый аист и счастье!

Пещера отшельника в Лушани

В сумерках синих видна чуть луна.
Незрима с ней рядом пещера одна.
В ней жил одинокий отшельник — даос.
Чудо природы
(И важный вопрос)**.

---

* Черепаха, согласно легенде, — прародительница Поднебесной.

** Последняя строчка взята мною в скобки, поскольку в оригинале у Мао Цзэдуна таких слов нет. Но важный вопрос остаётся. Почему из всего богатейшего Лушанского заповедника поэт выбрал пещеру даосского отшельника, естественное природное образование? В Лушани сохранилось немало останков древнейших храмов конфуцианских и буддийских, целый ряд из них ныне действующих. Они взяты под охрану ЮНЕСКО. Между тем, Мао говорит лишь об одной пещере — именно об обителе древнего даоса. Некоторые исследователи объясняют данный факт следующим: в «Особом районе Китая» Мао

Воробей-миротворец

Стреляй! Руби! Противника убей!
Слышна повсюду в мире канонада.
Дрожит в кустах от страха воробей:
— Сплошной кошмар! Бежать отсюда надо!
— Куда?
— Спасенье на святой горе.
— Но где такая?
— Договор подписан
О дружественной тройственной норе,
В ней рождено начало компромиссам*.
— Что за «начало»?
— Долгожданный мир,
Необходимый «просвещённым массам»,
Чтоб каждый гражданин вкушал кефир
С поджаренной картошкой и мясом**.

длительное время проживал в пещере, а также всю жизнь находился под сильным влиянием идей Лао-цзы.

* Как впоследствии разъяснили пекинские комментаторы этих сатирических по отношению к Хрущеву стихов, Мао Цзэдун имеет в виду Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, подписанный 5 августа 1963 г. тремя державами — СССР, США и Великобританией.

** Мао обыгрывает слова Хрущёва, сказанные в апреле 1964 года, что коммунизм для него — это полная тарелка гуляша для каждого советского гражданина. Гуляш на китайском языке — картошка с жареной говядиной.

— Неужто так покончим беспредел?
— Прошу, не спрашивайте больше
и не спорьте, —
Сказал воробушек и быстро улетел.
Но воздух предварительно испортил.

Праздник Двойной Девятки*

Люди ветшают скоро.
Небо стареть не хочет.
Правда, подули ветры,
Лето ушло, но затем
Праздник в Китай приходит
Нами любимый очень,
Праздник двойной девятки,
Осени и хризантем.
Ветры суровые дуют
На грозных полях сражений,
Случается непогода
И на полях труда.
Очень люблю я осень —
Время борьбы и свершений,
Когда одета природа
В наряды из снега и льда.

---

* Девятого числа девятого месяца по китайскому лунному календарю.

Плаванье*

Я воду брал на язык
И рыбу ел из неё.
Потом переплыл Янцзы,
А думал, пlying, про своё.
Что лучше штормы и гром,
Свобода бегущей реки,
Чем старческий вздох о былом,
Чем мускулы слабой руки.
Мудрец** когда-то сказал,
Глядя в речной простор:
«Теченье никто не связал,
Расчёт природы простой».
Мы же построим мост,
Плотиной скрепим берега.
Расчёт наш точен и прост —
Пусть людям послужит река.
Вода светлей бирюзы
Течёт без конца в океан.
Может, богине Янцзы
Такой удивителен план?

---

* Название сообщает реальный факт: в 1955 году, в возрасте 63 лет, Мао «вразмашку» переплыл реку шириной более километра.

** Конфуций.

Хуаньсиша*

Царила ночь и бесов злая вьюга
Бесчинствовала в той глухой поре.
И миллионы не могли обнять друга,
Как в старину случалось на дворе...
Но солнце воцарилось над Китаем,
Душивших нас драконов больше нет.
И нынче слов сердечных не хватает,
Чтоб описать проснувшийся рассвет.

Почтенному Лю Яцзы**

Вдвоём засиделись за чаем мы с вами
Однажды в осенний час.
Я потчевал щедро своими стихами
В ту пору известного вас.
Наверно, об этом забыли вы ныне,

---

* *Хуаньсиша* — река, в водах которой, согласно легенде, некая древняя красавица Си Ши стирала одежду. Аллюзия Мао прозрачна: прекрасные современные преобразования Китая заложены «волей Тенгри — Неба» ещё в древнейшие времена.

** *Лю Яцзы* (1887—1958) — известный китайский поэт и демократический деятель, близкий к кругам Гоминьдана. Мао неоднократно встречался с ним, хотя оба находились во враждебных политических лагерях. Тем не менее, тот и другой очень ценили друг друга, писали взаимные посвящения. Лю Яцзы посвятил Мао даже целую поэму.

Прошло ведь лет тридцать пять...
Стихи мои вам посвящались в Чунцине*,
И новая встреча опять.
Теперь уже ваши творенья читаю,
Понять до конца их стремлюсь.
Но, друг мой, зачем по былому Китаю
Такая тяжёлая грусть?
Взгляните — из долгого сонного плена
Страна пробудилась везде.
Повсюду великие перемены
В душе, на земле и в воде**.

Женщинам, одетым в военную форму

Солнце Китая восходит над миром,
Приоткрывая его красоту,
Вашим любитесь новым мундиром,
Вашим умением стоять на посту.
Как необычны такие стоянки,
Люди об этом не знали века,
Что научились носить китаянки
Форму солдата, не только шелка!

---

* Чунцин — крупнейший в мире мегаполис (30 млн жителей).

** В подстрочнике буквально сказано: «Река Фучуньцзян засияла небывалой красотой». Здесь сегодня построено крупнейшее в мире (26 км длиной) водохранилище.

Письмо жене

На губах и бровях твоих отблески гроз —
Горьких чувств неушедшая вьюга.
А на тёмных ресницах лишь капельки слёз.
Нелегко нам глядеть друг на друга.
Мне известна причина — строка из письма,
Где пишу, что разлука стучится.
Но, поверь, за зимою приходит весна,
Значит, новая встреча случится.
Жизнь — страданье, об этом сказали не мы,
В ней за рощами часто пустыни...
Освещает дорогу осколок луны,
Под воротами восточными иней.
Призывает отплыть парохода гудок,
Сердце сжалось — пора на край света...
Так, давай остановим печали поток,
Песня радости нами не спета.
Как обвал на Куньлуне пусть грянет гроза,
Унесёт и тоску, и разлуку.
Сохраним нашу верность друг другу,
Над вершинами вместе откроем глаза!*

---

* Жену Мао Цзэдуна звали Ян Кайхуэй (1901—1930), и её судьба была трагической. Она стала второй женой будущего китайского лидера (брак с первой, как известно, был навязан отцом Мао Цзэдуна, но юноша отказался от этого союза и, по его словам, никогда не жил с той женщиной). Ян Кайхуэй рано вступила в КПК и помогала мужу в его опасной деятельности.

У молодых родились сыновья. В конце августа 1927 года, накануне разлуки с женой, Мао подвернул ногу и долго хромал. Как оказалось, расставание с Ян Кайхуэй, которая писала о нём трогательные стихи, оказалось роковым. В 1930 году вторую и самую любимую жену Мао взяли в плен гоминьдановцы, потребовали публичного отречения от мужа. Она этого не сделала. Её казнили на глазах её 8-летнего сына. О стихах, посвящённых ему, великий кормчий узнал много лет спустя.

Трагичной и одновременно яркой была судьба старшего сына, Мао Аньина (1922—1950). В 1937 году его перевезли в Москву, он поступил в военно-политическую академию, в 1943 году он вступил в ВКП (б), получил звание лейтенанта и в составе советских войск прошёл всю войну. После Победы он был принят Сталиным, который вручил Аньину именную пистолет. Жизнь Аньин завершил в Корее под бомбами американской авиации. Публикую свой перевод стихотворения этой замечательной женщины, о которой Мао Цзэдун с грустью вспоминал всю жизнь.

* * *

Пасмурно небо, ветер суровый,
Иней принёс мороз.
Сердца же ты касаешься снова,
Мокнет подушка от слёз.

Листья на землю ветки роняют
Скоро лягут снега.
Кто вдалеке тебя охраняет?
Как там твоя нога?

Нет от тебя даже весточки краткой.
Теплое есть ли бельё?
Крылья бы мне — хоть на миг, хоть украдкой
Видеть лицо твоё.

Куньлунь*

Над Китаем царит несравненный Куньлунь,
Вся страна ему служит покорно.
Управляет погодой, движением лун,
К небу льды пододвинул спокойно.
Как дракон из нефрита парит выше туч,
Мы от страха порою весенней
Цепенеем, когда беспредельно могуч
Шлёт разливы и землетрясения.
Я его вопрошаю:
— Куньлунь, почему
На себя ты взвалил столько власти?
Неужели приятно челу твоему
Замышлять для Востока напасти?
Как опору найти и волшебный топор,

---

* Куньлунь — самый высокий в северо-западном Китае горный хребет, отдельные вершины которого достигают высоты чуть ли не 8 000 м. Отличается очень суровым климатом, активной тектонической деятельностью и практически безлюдьем, что для густонаселённого Китая нехарактерно. Самое интересное, что фантастические мечты Мао о преобразовании природы Куньлуна в наши дни реализовались неожиданным образом. Здесь прорублена и отсыпана в горах многокилометровая железная дорога. Отдельные её участки пролегают на высоте свыше 5 000 м. Это непревзойдённый в мире шедевр китайской инженерной мысли и искусства. В короткий срок создан уникальный мост Пекин — Гималаи, куда устремились туристы со всего мира.

Разрубить твоё мощное тело
На три части? Слепое могущество гор
Справедливым и правильным и сделать?
Часть одну я тогда европейцам отдам,
Часть другую — заносчивым Штатам.
Разумеется, третья, останется нам.
И конец всем долгам и утратам!

Читая историю

Стала человеком обезьяна,
Обработав несколько камней.
«Мудрость» эту в нас вбивают рьяно.
Те, кто всех «учёней и умней».
А потом была эпоха бронзы,
Якобы, придумали мечи...
Управляли на планете бонзы,
Помогали бонзам палачи.
Всякие мне попадались книги,
Иногда прочтёшь — помрёшь с тоски.

Надевают тяжкие вериги
На стремленье к счастью, на мозги.
Убеждён и этого не скрою, —
В книжных рассужденьях — горы лжи.
Делают историю герои,
Мастера поступка и души.
Их немного, на таких равняюсь.

Я не книжный враг, не ретроград.
Но, признаться, часто охраняюсь
От советов чуждых и цитат.
Азия — у нашего истока.
С запада к нам мудрость не придёт.
Солнце поднимается с востока,
И отсюда новый мир грядёт.

Мама

С великой болью говорю о маме.
Она ведь так любила сыновей!
А я был занят всяким делами...
И вот скорблю и каюсь перед ней.
Все мамины заботы не забуду,
Она теперь живёт в иных мирах.
Как на земле, постичь стремится Будду*,
Которому дела земные — прах.
Над прахом мамы ныне тень скользит
И дождь в родной деревне моросит.

Мальчик

С мечтой добиться славы и успеха,
Покинул мальчик деревенский дом,
В огромный город навсегда уехал.
Кто в юности не думал о таком?

---

* Мать Мао Цзэдуна была ревностной буддисткой.

«Умру, но не вернусь домой!» —
В ту пору
Он думал так. А где зарюют прах
Неважно. Главное — подняться в гору.
(Он тосковал о жизненных горах.)

Оплакиваю товарища Ло Жунхуаня*

Давно мы не шагаем локоть к локтю.
Но душами по-прежнему вдвоём.
Парим и над горами, и над плотью,
Как облака в лазури над орлом.

Да, остаемся в ясном небе вместе,
Встречаем там китайскую зарю.
Хотя, возможно, курам на насесте
Не объяснишь, о чём я говорю.

Увы, не властен человек над телом.
Скорбим в суровый расставанья час,
Когда летим к назначенным пределам.
Как будет не хватать в грядущем вас!

Приезд в Шаошань**

О прошлом не хочется много писать,
Покинул село я треть века назад.

---

* Сподвижник Мао по Великому Походу.

** Родная деревня Мао Цзэдуна.

На времени том, на холопстве тех мест
Поставили мы окончательно крест.

И множество ли по Китаю прошли,
И новые звёзды на небе зажгли.

И видит сегодня родная земля —
Герои её засевают поля.

Зимние облака

Зимою в небе облака —
Как белые степные кони
Бегут, когда лежат снега —
Тепло земное вдаль их гонит.

Нас от опасного врага
Хранят отвага, ружья, спешность...
Спасает сливу-мэйхуа
От холодов краса и нежность.

Одна лишь муха лезет в щель
И пропадает там в метель.

Взошёл на гору Цзинганшань

Меня раздумья в небо уносили,
Родную землю тоже было жаль.

Поэтому отдал ей столько силы!..
И вот опять взошёл на Цзинганшань.

Здесь иволги и ласточки летают,
Не зная наших бесконечных бед.
Не тронуты снега, и льды не тают.
Всё как в ту пору, через сорок лет...*

Сны о боях военных вижу реже.
Но и теперь влечёт меня борьба.
И ощущая силы в себе те же —
Рукой коснуться лунного серпа.

Апрель 1949 г.

Победа**

Деревья в огне, а горы во мгле.
Сражение закончилось к ночи
Победой на этой священной земле
Ликуют бойцы, что есть мочи.

---

* В оригинале «через тридцать восемь лет». Мао вспоминает события 1927 года, когда впервые появился в районе этой горы и принялся вместе с Чжу Дэ формировать отряды Красной Армии Китая.

** Стихотворение в оригинале называется «Против первого карательного похода Чан Кайши» (1930). Это первое военное нападение своего давнего политического противника Мао успешно отразил.

Героям земным отдаём нашу дань.
Поклон их отваге и гневу.
Но этим триумфом у Бучжоушань*
Мы больше обязаны Небу.

Народно-освободительная армия берёт Нанкин

Мы перешли великую Янцзы
И взяли город нашей древней славы.
Теперь никто не повернёт язык,
По поводу деления державы**.

Дракон и тигр*** повергнуты к ногам
Удачи Небо новые готовит.
Наш славный путь и справедлив, и прям,
И нас уже ничто не остановит.

---

* *Бучжоушань* — мифическая гора, которую, согласно легенде, разрушил, ударив её головой, древнекитайский герой Гунгун. Комментируя данное стихотворение, Мао писал: «Гунгун — настоящий герой-победитель... Умер ли он? Похоже, что нет».

** Намёк на И. В. Сталина, который, исходя из своих политических соображений, какое-то время вынашивал план раздела Китая между войсками НОА и Гоминьдана по реке Янцзы.

*** В классической китайской литературе одну из гор по соседству с Нанкином (Наньцзинем) часто сравнивали со свернувшимся в клубок драконом, а сам город — с затаившимся тигром.

Прощай, бог чумы!*

Лазурное взморье, зелёное взгорье,
Раздолье крестьянских полей...
Всё это постигло великое горе —
Нашествие малых червей!

Бурьяном родные поля зарастают,
Чума истребляет народ.
Кружится над сёлами демонов стая
И злобные песни поёт.

Я в небо гляжу временами, не скрою,
Там светлые звёзды и мир.
«Когда обуздаете нечисть, герои?» —
Вопрос задаёт Альтаир**.

Звезда хочет знать наши мысли о боге,
Не зря же вопрос задала.

---

*Этому стихотворению предшествует предисловие автора: «30 июня [(1958 года)] я прочитал в “Жэньминь-жибао” (главный печатный орган КПК) о том, что в уезде Юйцзян [провинции Цзянси] простые крестьяне самостоятельно уничтожили возбудителя шистосоматоза (тропических эпидемий). В голову стали приходиться разные мысли, и всю ночь я не мог уснуть. Потом повеял лёгкий ветерок, и восходящее солнце заглянуло в окно. Глядя на южное небо, я перенёс свои радостные чувства на бумагу».

** Звезда Альтаир играет важную роль в даосской эзотерике.

Она разделяет все наши тревоги,
Заботы, болезни, дела.

Отвечу —
С народом сегодня считаться
Чиновным приходится нам.
Подобны шестьсот миллионов китайцев
Прославленным полубогам*

Прикажут — дожди на поля будут литься,
Поднимутся в небо мосты.
На самом верху захотят поселиться —
Исполнят такие мечты.

Хребты исполинские быстро распашут
Мотыгами из серебра,
Великие реки плотинами свяжут —
Настала такая пора.

А идолов всяческих, злобных и страшных,
Которых не видим нигде,
Со жгут на свечах и на лодках бумажных
Отправят гулять по воде**.

---

* В тексте стихотворения Мао сравнивает современных китайских героев с легендарными правителями Яо и Шун.

** Речь идёт о сохранившемся до сих пор древнем обычае пускать в честь важных событий бумажные кораблики с зажжёнными свечами.

Второй ответ товарищу Го Можо*

Земля мала нам. Мухи без конца
Об окна наши бьются, словно пули.
И трутням кажется подобием дворца
Построенный для них садовый улей.

Нам Запад уготовил свой предел,
Назначенный законами Европе.
И у Пекина** горы всяких дел.
Восточный ветер тоже нас торопит.

Мы втянуты в великий вихрь стихий,
Но также в сеть забот и дел знакомых —
Ну, например, в такие пустяки,
Как отряхнуть с одежды насекомых.

Восстание осеннего урожая

Численность армии нашей — полмира,
Наша эмблема — серп и секира***.

---

* Стихотворение «заточено» не только на страны Запа-
да, но и на примкнувший к ним в ту пору Советский Союз,
как считал в 1950-е годы Мао.

** В оригинале — Чанъан, столица древнего Китая.

*** В начале создания китайской Красной Армии её эм-
блемой были секира и серп.

Наши дома — не убежища гор*.
Наше пространство — Китая простор.

Наша задача — поддерживать небо.
Нас на земле угнетают свирепо

Что остаётся нам всем, кто не слеп, —
Меч обнажить, не держаться за серп!

АФОРИЗМЫ МАО ЦЗЭДУНА В СТИХОТВОРНОМ ПЕРЕЛОЖЕНИИ

* * *

Хрущёв преступный показал пример,
Хотя об этом, может, и не ведал.
Он за гуляш** всеобщий флаг наш предал
И предрешил паденье СССР.

---

* Стихотворение было написано после выхода воинских соединений «Особого района», созданного Мао Цзэдуном в горах, на просторы равнинного Китая.

** Здесь снова (см. комментарий к стихотворению «Воробей-миротворец») Мао возвращается к словам Хрущёва, сказанным в апреле 1964 года, что коммунизм для него — это полная тарелка гуляша для каждого советского гражданина.

* * *

Да, мы за мир. И на планете всей.
Но сохраняй военную сноровку.
И если хочешь сдать войну в музей,
Держи в руках, как следует, винтовку.

* * *

Полезнее, когда противник давит,
Чем если вслух твои заслути славит.

* * *

Кто на чужой проехать шее хочет,
Как правило, нехорошо закончит.

* * *

Не делай свою власть невыносимой,
Веди страну примером, а не силой.

* * *

Борись, но не в мечтах, не только в песне.
Сам по себе противник не исчезнет.

* * *

Сколько книг ни читай,
Не возглавишь Китай.

* * *

Смерть нас косит всех без исключения,
Но не каждый чтит её значение.

* * *

Если ветер перемен в тебя прицелится,
Строй не щит, но ветряную мельницу.

* * *

Я верю только в жизнь и в труд,
И вам советую — поверьте,
Усилья ваши не умрут,
Их не погасит ветер смерти.

* * *

Законы революций глубоки,
Исполнены таинственного смысла:
Чем чаще погибают смельчаки,
Тем крепче их ряды и больше числа.

* * *

Кто не вникает в смысл и в корни жизни,
Тот не достоин прав на афоризмы.

* * *

Наступит день — и чуждые правители
Лишатся всех друзей и покровителей.

* * *

Рычит на мир заокеанский тигр,
Пугает мощью атомных орудий.
Но ведь исход любых военных игр
Решают не орудия, а люди.

* * *

Как стратег, бей с презрением врага на войне.
Но как тактик — с оценкой серьёзной вполне

* * *

Коммунизм — не любовь,
Это меч для врагов.

* * *

Держи ружьё всегда готовым к бою,
Противник не исчезнет сам собою.

* * *

Непреклонно верите — идите,
Ввязывайтесь в бой и победите.
Если есть хотя бы тень сомненья,
Слушайте тогда чужие мненья

* * *

Когда твой сад к весне готов,
В нём расцветёт хоть сто цветов.
Но коль не вырвешь весь бурьян —
Не встанет ни один тюльпан.

* * *

Простой крестьянин из села
Не причинит природе зла.
Но чем значительней чиновник,
Возможен круче уголовник.

* * *

Всё, что упрямой мыслью зримо,
Реально и осуществимо

* * *

Пассивность лишь тогда нужна и дорога,
Когда она — оружие врага.

* * *

Тот обретёт в борьбе успех,
Кто выучку прошёл у всех.

* * *

Во всех делах без женщин трещина,
Полмирозданья — это женщина.

* * *

Чтоб тигра разбудить, нужна смекалка
И длинная на всякий случай палка.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТАНЬ СЫТУН

•

ЛУ СИНЬ

•

ГО МОЖО

•

АЙ ЦИН

•

ЧЖЭН МИНЬ

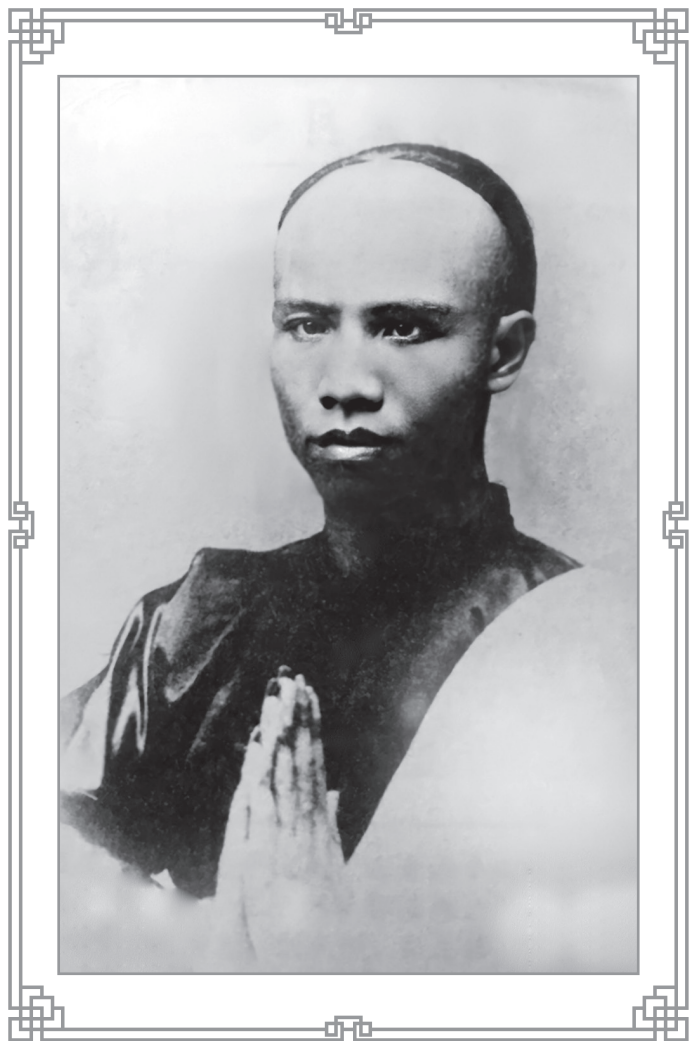
•

ЛЯН СЯОМИН

•

ХАЙ ЦЗЫ

ТАНЬ СЫТУН (1868—1898)

Крупный поэт, великий мыслитель, государственный и общественный деятель Китая. Хотя его жизнь и деятельность прошла в XIX веке, но как литератор и философ он целиком принадлежит веку следующему. В западном, да и в российском китаеведении, его называют представителем буржуазно-демократической мысли китайского общества. Но это не более чем неуклюжая попытка причесать китайский образ мыслей и поступков под европейский. Тань Сытун — явление глубоко национальное со всех точек зрения. Потомственный аристократ (сын губернатора провинции), он сочетал в себе черты горячего защитника интересов крестьянства, страстного конфуцианца, сторонника западно-европейских реформ и революционера. Да, плюс к этому, порой писал стихи на байхуа — ещё не утвердившемся в литературе той поры народ-

ном языке (всего написал более 200 стихотворений). Рано проявил большие литературные способности, сочинял военно-патриотические стихи, сатиру, баллады, использовал фольклорную тематику, прибегал к жанру народных песен.

Владел китайскими боевыми искусствами. Объездил на коне весь Китай, особенно его труднодоступные горные районы, как это позднее сделал Че Гевара, путешествуя на мотоцикле по Латинской Америке.

В конце своей жизни, а она длилась всего 33 года, засел за написание трактата «Жэнь Сюэ» — «Учение о гуманности». Так принято называть в западных источниках это нетипичное для Китая философское сочинение. Само понятие «гуманизма» весьма далеко от современного западного «контента», куда непременно включены такие понятия, как толератность, права человека и тому подобные. Даже русский эквивалент «человечность» очень приблизительно охватывает смысл китайского иероглифа. В понимании Тань Сытуна, «жэнь» — первооснова мироздания, своего рода «Абсолютная Идея» Гегеля. Кстати, Тань Сытун первым в истории китайской философии ввёл европейский термин «эфир» в обиход китайской философской мысли и объявил весь мировой эфир

пронизанным идеей Любви. Хотя Тань Сытун не скрывал, что в своей философии опирался на западное христианство, мысль для Китая не новая, ибо за несколько веков до рождения Иисуса Христа Любовь как первооснову мира проповедовал очень популярный, наряду с Конфуцием, его современник Мо-цзы. Философские идеи Тань Сытуна представляют собой своеобразный сплав конфуцианства, буддизма, моизма и современной ему науки.

В 1898 г. популярный в кругах интеллигенции, Тань Сытун был приглашён одним из последних китайских императоров ко двору для проведения реформ. Они продолжались ровно сто дней, под этим названием «Реформы ста дней» вошли в историю Китая. Предложения Тань Сытуна не понравились консерваторам и вдовствующей императрице Цы Си. Она совершила дворцовый переворот и отправила императора до конца дней под домашний арест. Реформаторы были приговорены к казни, но казнь официально предлагалось заменить отъездом реформаторов за границу. Сытун уехать отказался, сказав, что ни один значительный шаг истории невозможен без жертв. Великий писатель и общественный деятель без суда и следствия был публично обезглавлен на центральной площади Пекина.

Тань Сытун жил во второй половине XIX века, но оказал большое влияние на всю новую литературу XX века, особенно на поэзию, и продолжает оказывать до сей поры. Образованный человек, он часто использовал вэньянь, что, по мнению литературоведов, делало его поэзию более возвышенной. Он писал о путешествиях, о жизни, иногда о политике, но всегда оставался поэтом, думающим о красоте. Вместе с тем, он совершил революцию в китайском стихосложении, подготовил изменение размеров, внёс новую лексику, смело вводил в стихи научные термины.

Его творчество не могло не повлиять на поэтические вкусы Мао Цзэдуна. Можно обнаружить явную переключку между стихотворением Тань Сытуна «Стихи о том, как везли провиант по горам Люпаньшань» и стихотворением Великого кормчего «Люпаньшаньский хребет». Я перевёл несколько стихотворений Тань Сытуна, где он предстаёт и лириком, и поэтом сатирического направления, и обличителем социальной несправедливости.

Любителю романтики

Всю жизнь владела мною жажда странствий,
И потерять такую жажду — страх...
В который раз, поддавшись давней страсти,
Один зимой гоню коня в горах.
Здесь птицы на излёте падают, как льдинки,
Голодный волк следит за изнемогшим мной.
Ох, не рисуй о путешествиях
красивые картинки,
Я знаю, что такое путь земной!

* * *

Крики гусей растревожили память во мне.
Вниз по реке
я спускаюсь на лодке неслышно.
Видно, за мной наблюдать интересно луне,
Раз она в небо в такое мгновение вышла.
Вот оставляю беззвучным веслом своим след —
Вмиг отраженье луны на воде заплясало.
Может, в такие минуты великий поэт
Людям оставил бессмертные строфы «Лисао».

Гора Кунтун

Большая Медведица синих глаз
Не сводит с горы ночной
И освещая вершины, в нас
Пробуждает фантазий рой.
И я до рассвета не в силах уснуть,
Гляжу, как плывут облака,
Как в небе ночном означается путь,
Луны серебрятся бока.
Затеяли сосны с драконами бой,
Верхушки в рассветных лучах
Горят. И отхлынули тени гурьбой,
И солнце на горных плечах.
Куда ни посмотришь — повсюду цветы
Пылают, словно костры.
И где источник такой красоты?
Возможно, в глубинах горы.

Песенка об опиумном маке

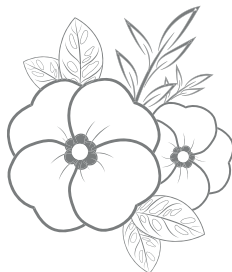
Не растёт зерно в Китае —
Плохо дело, грозный знак.
А правительство в ударе:
Нету риса— сейте мак!
Наши беды и напасти
Богатеям не нужны.

Лишь бы уцелели власти
От весны и до весны.
Вот такой у них расчёт —
Хлеба нету — мак цветёт.

Стихи о том, как везли провиант по горам Люпаньшань

Копыт неверен шаг по скольким скалам,
Телегу тащат лошади и люди.
Грозят повсюду пропасти оскалом,
И путь простыми радостями скуден.
Вдобавок, виснут тучи в тёмном небе,
Всю жизнь в трудах приходится скитаться.
Такой вознице достаётся жребий,
А также нечиновному-китайцу.
Не для себя он, рук не покладая,
На гору тащит тяжкий груз натужно.
В нём кровь и пот народного Китая.
Давно об этом всем подумать нужно.

ЛУ СИНЬ **(1881—1936)**

Лу Синь — крупнейший китайский писатель, один из основателей современной литературы Поднебесной и одна из трёх её ключевых фигур. Подобно тому, как в истории мировой поэзии классический Китай представлен, прежде всего, именами Ли Бо, Ду Фу и Ван Вэя, так и главные литературные персоналии Поднебесной XX века — это Мао Цзэдун, Лу Синь и Го Можо.

Происходил из образованной интеллигентной семьи, с детства много читал (биографы отмечают, что уже тогда он не любил литературу конфуцианского толка), учился в Цзяннаньской военно-морской академии, затем был переведён в Школу горного дела и железных дорог при Цзяннаньской военной академии. Здесь он впервые познакомился с западным образованием и наукой; изучал немецкий и английский, читал иностранную научную и художественную лите-

ратуру. По стипендиальной программе правительства Лу Синь отправился в Японскую империю, где поступил в Сэндайскую медицинскую академию и стал в ней первым иностранным студентом. Отучившись два курса, неожиданно прекратил свою учёбу и покинул академию, впоследствии в предисловии к своему сборнику «К оружию» объяснив это тем, что «лечить болезни души соотечественников намного важнее, чем болезни телесные». В 1906 году Лу Синь переехал в Токио, где попал под влияние филолога Чжан Тайяня, и вместе со своим братом опубликовал переводы некоторых восточноевропейских и русских рассказов. Следующие три года он провёл в Токио, написал серию эссе на вэньяне по истории науки, китайской и европейской литературе, китайскому обществу, реформам и религии в Китае, а также переводы художественных произведений разных стран на китайский язык. Вернувшись в Китай, Лу Синь преподавал в Чжэцзянской средней школе (предшественнице знаменитой Высшей школы Ханчжоу), затем в Китайско-западной школе города Шаосин, его родного города, и с основанием республики в скором времени занял пост министра образования в Пекине. Через некоторое время он стал также преподавать в Пекинском

университете и в Женском педагогическом колледже Пекина, и начал писать. Первые работы Лу Синя были весьма традиционны, написаны на вэньяне. Но с 1918 года Лу Синь становится одним из инициаторов «Движения за новую литературу». Выступал за то, чтобы китайская литература осваивала разговорные жанры, призывал перейти на байхуа. Сблизился с литераторами круга Мао Цзэдуна и с самим Мао. Писал прозу, стихи и ритмизованные стихи в прозе, издал несколько сборников. В СССР творчество молодого китайского писателя быстро заметили и начали издавать, как в журналах (одним из первых советских журналов, сделавших публикацию Лу Синя в 1935—1936 годах, был журнал «Сибирские огни»). В дальнейшем в СССР вышел четырехтомник его главных произведений и том его произведений в библиотеке иностранной литературы. Лу Синь писал сатирические стихи и философскую лирику, много занимался переводами русской и советской классики на китайский язык, и перевёл Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова, М. Горького, А. А. Фадеева. Из-за его левых взглядов и роли в истории становления китайской республики он был запрещён на Тайване до 1980 года. Лу Синь был одним из первых акти-

вистов движения за введение эсперанто в Китае. В последние годы тяжело болел туберкулёзом и по причине болезни отказался от предложения выдвинуть его на Нобелевскую премию. В возрасте 55 лет, обретя общенациональную известность в Китае и во всём мире (его называли величайшим писателем Азии XX века), Лу Синь умер. Мао Цзэдун, высоко ценивший писателя, поместил свою каллиграфическую надпись в его честь на гробнице мавзолея.

Одним из главных дел жизни Лу Синя было создание знаменитого китайского общественно-политического «Движения 4 мая», о котором уже говорилось и с даты появления которого китайцы отсчитывают рождение с не только новой поэзии, но и всей новейшей литературы своей страны. Суть движения — борьба с империализмом за социалистические идеи, массовые выступления студентов и рабочих против Японии, которая не хотела возвращать Китаю захваченные территории. В выступлениях активное участие приняла левая интеллигенция. Истоки сегодняшнего расцвета Китая и его мощного ускоренного развития во многом нужно искать в «Движении 4 мая».

Европейское Возрождение растянулось на несколько столетий, сопровождалось рядом ре-

волюций и церковных реформ, тысячелетним господством латыни, сильно тормозившей развитие национальных языков Европы. Вслед за европейским Возрождением последовали два века эпохи Просвещения. Китай выполнил задачи двух эпох — Возрождения и Просвещения, по существу, за несколько десятилетий. Цивилизационный рывок Китая оказался впечатляющим и привёл Запад в состояние замешательства. Не меньшее, чем это сделала Великая русская революция XX века. Если Советский Союз оставил для западных стран какие-то надежды на реванш своим экономическим отставанием, то Китай их окончательно уничтожил. Практически все стороны человеческого бытия в Китае подтянулись до уровня «мировых стандартов», а теперь начинают обгонять их.

Почему такое в принципе могло произойти? Я думаю, потому, что Восток не приемлет общих «мировых стандартов», принятых на Западе, а идёт своим путём. Все попытки наложения на развитие Китая западных лекал оказались иллюзорными. Так же как привычные для западного, да и в значительной степени для русского человека коренные понятия «жизнь», «смерть», «прогресс», «свобода», «история» и т.д. нуждаются в серьёзных восточных уточнениях. На-

пример, таких: смерть есть не более, чем новая форма жизни, а кроме истории существует Метаистория.

Китайская же история — это бесконечное движение вперёд с постоянными откатами назад. Другими словами, перелистывание великой Книги Перемен Жизни. С остановками на обдумывание, с возвращением к неувоенному... Автор Книги неизвестен, перелистывающий — человек. И то не всякий, но стремящийся к познанию.

Китай вступил в XX век, имея за спиной 5 000 лет истории своих взлётов и падений, зафиксированных в иероглифах. Китайская ментальность приспособилась к их чередованию, как к неизбежному событийному ходу, выдвинув великую идею Недеяния. Её суть в том, чтобы относиться к ходу жизни не фатально, действовать не бездумно или в страхе, но уравновешенно и в пределах человеческих возможностей. В двух словах идея Недеяния может быть выражена христианской формулой: «Да будет Воля Твоя, а не моя». И в тоже время, идея Недеяния подкреплялась в Поднебесной идеей мощного цивилизационного деяния, которое в полной мере реализовалось в исторической практике.

Эти мои рассуждения, возможно, помогут понять, какую роль сыграли в становлении нового Китая такие деятели, как Лу Синь, Го Можо, Мао Цзэдун и другие. Лу Синь в своём прозаическом и поэтическом творчестве подверг небывалой критике все стороны жизни древнего конфуцианского Китая, назвав свою главную книгу «Дикие травы» с подзаголовком «Записки сумасшедшего». Вместе с тем, этой книгой, написанной в манере особого верлибра — свободного стиха, но «с китайской спецификой». Лу Синь выразил веру в светлое будущее своего народа. Оно придёт непременно, вслед за эпохой абсурда, куда окунуло Китай начало века. «Дикие травы» — это и есть, в понимании Лу Синя, символ китайского народа, который, что бы с ним ни делали — топтали, косили, жгли, — встанет и выпрямляется.

Лу Синя нередко называют китайским Гоголем, Мао Цзэдун называл его своим любимым писателем. Я перевёл «краткое предисловие» к «Диким травам», написанное ритмизованной прозой, русским рифмованным стихом.

Дикие травы (краткое предисловие)

1.

Когда молчу, я чую полноту
Всех лучших чувств и веру в обновленье.
А говоря — впадаю в пустоту,
В словесный бред, недоговорки, тленье...
Меня сегодня здесь былого нет,
Одни слова о том напоминают,
Уходит, полночь, принося рассвет,
А значит, наступает жизнь иная!
Я делаюсь похожим на траву
И слушаю из будущего зовы.
Весну зову, грядущее зову!
Тоскливое здесь неуместно слово.

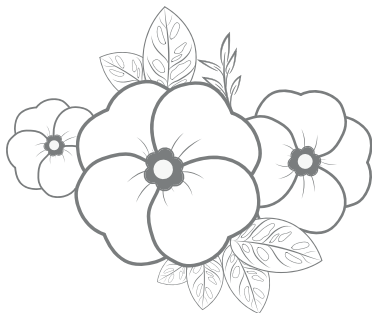
2.

Земные корни трав неглубоки,
Просты их лики, часто некрасивы.
Пьют не из чаши — прямо из реки,
Из праха восстанавливают силы.
Сегодня на земле повсюду прах,
Высокие в нём не растут деревья.
Везде людей охватывает страх
Безверия, кончины, разделенья...

3.

О травы дикие — земное украшеньё!
Вас топчут, косят, леденят и жгут.
Вы превращаете такое униженьё
В улыбку добродушную и в труд.
Ложитесь прахом каждый год на землю,
Цветами восстаёте из неё.
И я судьбу подобную приемлю.
Мне по душе сражение моё.
Огонь подземный рвётся на поверхность,
С намереньем всё превратить в золу.
А вы свою храните жизни верность,
Поёте ей весёлую хвалу.
На том закончу, коль чего-то стою,
Идите, травы дикие, за мною!

ГО МОЖО **(1892 — 1978)**

Го Можо — известнейший китайский политический деятель, президент Академии наук КНР, признанный ученый, прославившийся как поэт и прозаик задолго до прихода коммунистов к власти. Широко известен как прозаик, ученый, создатель нового китайского языка — байхуа. Много лет он был культурным сподвижником Мао Цзэдуна, причем обладал высочайшим авторитетом и был чужд даже тени политиканства. Пройдя через все тяжёлые перипетии новейшей истории Китая, Го Можо потерял во время репрессий «культурной революции» двух сыновей. А сам дожил до 86 лет и непотухшими глазами увидел экономический и культурный взлёт Китая.

Го Можо находился под несомненным влиянием Маяковского и писал «плакатные», но очень искренние и вдохновенные стихи. Его по-

этическое наследие огромно. Прославился и как литературовед, считался одним из наиболее авторитетных исследователей творчества Лао Цзы и Цюй Юаня.

Из всего его разнообразия и богатства я выбрал небольшую поэму в письмах «Ваза», датированную 1927-м годом и имеющую подзаголовок «История неравной любви». Поэту в ту пору исполнилось 35 лет, его возлюбленной, судя по тому, что она оканчивала школу, было не более восемнадцати. Мне думается, поэма точно передаёт, что китайцы при всей своей необъятной и трудной истории, умеют хранить традиции красоты, изящества, верности, и любые перемены не меняют их стальной национальный сердечник. Между прочим, название поэмы повторяет заголовок стихов ныне забытого Нобелевского лауреата-француза Сюлли Прюдома. Возможно, ценители поэзии, сравнив тексты двух стихотворцев, поймут причины забвения одного и памяти о другом.

Ваза

История неравной любви

22 февраля, ночь

Как в тёмном небе вспыхнул метеор,
Лишь на секунду осветив пространство,
Так и ко мне твой прикоснулся взор,
Не проявив при этом постоянства.
Запали в душу девичьи глаза,
Весёлыми и нежными лучами.
Шлю, как монах, молитвы в небеса,
Но отклика, увы, не получаю.
Увы, прошло моё цветенье роз,
Остались увядающие листья...
Я сны свои, наверно, перерос,
Ключ потерял к разгадке юных истин.
Когда в вино налит любовный яд,
Губами постарайся не коснуться,
А если сладок сон, то, говорят,
Подольше попытайся не проснуться.
Покоя не даёт моим глазам
Друг-почтальон, венец моих желаний.
Жду с нетерпеньем от тебя посланий.
А что пошлешь — и Бог не знает сам.

22 февраля, ночь

Казалось бы, сидим мы по соседству,
Но далеки — ведь свой ты прячешь
взгляд.
Приходится пылать напрасно сердцу,
Ведь руки-то обнять тебя хотят.
Чего же ждать? Как обернётся случай
Той первой встречи и тебе, и мне?
Суровый суд возможен ли над тучей,
За то, что пылко тянется к луне?

22 февраля, ночь

Я чувствую всю ночь в своей руке
Твоей руки необъяснимый холод.
Хотя мы друг от друга вдалеке,
Но сердце бьётся, бьётся, словно молот.
Моя, конечно, непонятна боль.
Ты спишь спокойно, ничего не чуя,
Представь, что я — без капли сна ночью
И вижу лишь одну твою любовь.
Прошла неделя — писем нет и нет.
Скажи, я ожидаю их напрасно?
Ты холодней, чем утренний рассвет,
Мне с каждым днём ушедшим это ясно.
Я грелкой согреваю облака
Своих надежд, но ускользают мимо...

О сердце, сердце... Что ж, оно пока
Работает в груди неутомимо.
Как добрести до завтрашнего дня?!
Пусть хоть строчку мне подаришь
завтра!
А если вновь забудешь про меня
И обнажится горестная правда?..
Тогда пусть послезавтра, в воскресенье,
Найди свободных несколько минут
Для моего сердечного спасенья.
Ну, напиши, не посчитай за труд...

24 февраля, ночь

Наконец я письмо получил.
Почерк, вижу, взволнован, горяч.
Буквы нежные, словно лучи,
Сердце в небо взлетело, как мяч.
Опасаюсь конверт открывать,
Даже кружится голова.
На рисунок смотрю, на печать...
Что под ними, какие слова?
О письмо! Чтоб его заклеить,
Ты, конечно, к губам поднесла.
И бумага могла сохранить
Аромат твоего тепла.
Сообщаешь в начале строки,

Что молчания длинная нить —
Это школьной учёбы долги.
Очень просишь меня извинить.
Но чего я тебе не прощу —
За душой обретённый покой!
От волнения трепещу,
Получив подарок такой.
Дальше, пишешь, мой сборник стихов
Прочитала при ясной луне,
Но твой маленький ум не готов
Замечания сделать мне.
А того и не ведаешь ты,
Что себе я кажусь иногда
Перед блеском твоей красоты
Несмышлёнышем жалким. Да.
Наконец в письме говоришь,
Всем сомненьям моим вопреки,
Что познала райскую тишь,
Посидев со мной у реки.
И ещё добавляешь строку,
(Ох, сердечко, в груди удержишь!)
Что хотела бы эту реку
Растянуть на целую жизнь.

5 марта, полдень

В письме твоём новом нет слова
 «почтенный»,
 К чему, сожалею, давно я привык.
 Меж нами не выросли годы, как стены,
 Не стал для тебя я совсем уж старик.
 Да, старше тебя, что, увы, не исправить,
 Весеннюю вновь не верну благодать.
 Но ведь и весну не удастся избавить
 От общего правила — осенью стать.
 Пускай же подольше твой луг зеленеет,
 Пусть зелень украсит и участь мою.
 Поэт свои горести прятать умеет,
 А я и страдаю, и радость таю.
 Минутам тоски моей, долгим и мутным,
 Пошли ободрение встать над судьбой.
 Прошу, не зови ни «почтенным», ни
 «мудрым».
 Позволь мне по чувствам сравняться с
 тобой.

15 марта, ночь

Как рад я, что недавно заблуждался—
 Сдала экзамен — и успела написать!
 Признания почти уже дождался,
 Над сердцем засияли небеса!

Мне пишешь, что считаешь всех поэтов
Честнейшими и добрыми людьми,
Что очень по душе тебе, поэтому
Лукавить нам нельзя в делах любви!
Жалеешь, что не младшая сестра мне,
А я, увы, тебе не старший брат.
Ах, милая, да я бы даже камнем
У ног твоих расположиться рад!
Вот если бы весны моей богиней
Ты сделалась, о как бы я запел!..
Давай же все условности откинем,
И встретимся среди учебных дел...
Кого в тебе на этот раз увижу:
Любовь, подругу, младшую сестру?..
Я жду свиданья нового, приди же,
Иначе, послезавтра я умру!
Не потому ли изнывает сердце,
Что только брата ты во мне нашла?
Я места не найду, куда мне деться.
Строка такая душу обожгла.

15 марта, ночь

Мой личный ад стал общим раем нашим:
Я снова к солнцу устремил полёт!
Крылами ветер вместе с сердцем машет,
И свежий воздух пляшет и поёт.

О дорогая! Вечность и мгновенье,
Слились в моей душе одним кольцом.
Сверяю я своё сердцебиенье
С твоей душой, дыханием, лицом.
Печали нет, она прошла стороной, —
Пиши, как хочешь, слов не выбирай.
Владычица! Любимая! Сестренка!
Ты ад сердечный превратила в рай!

20 марта, полдень

Ах, сердце в груди моей бьётся опасно!
Как древний мечтатель, я к солнцу
взлетел,
Но всё постепенно становится ясно,
Что многого слишком поэт захотел.
Я — дерево, жертва лесного пожара.
Ни ветром, ни бурей его не задуть.
И жало любви, беспощадное жало,
Пронзило мою окончательно грудь.
Не выбраться мне из любовного плена,
Трещит моя плоть от огня, как полено.

20 марта, полдень

Покой зову, но шторм в груди бушует,
Напрасно бьётся в тень твоей скалы.

Не хочешь понимать, о чём пишу я—
Не писем жду — любовной похвалы.

24 марта, ночь

Слова бросаешь, словно невзначай!
В них чувствуется тонкая прохлада.
Пусть для тебя они — остывший чай,
Но для меня они — уголья ада!
Я, словно старое вино, в твой кубок влит,
Сам влил себя. Не ты тому виною.
Пойми, не по душе мне вялый флирт,
Я равнодушен к холоду и зною.
И кружево загадок не вяжи,
Любовь ведь не подмостки и не сцена...
Уж если вовсе не любим — скажи,
Скажи об этом, только откровенно!

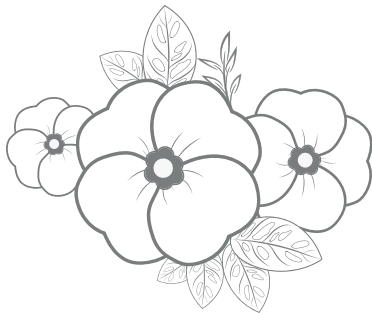
27 марта, ночь

Завидую я маю твоему!
Он расцветает с каждым днём нежнее!
А постою у зеркала — ему,
Осенний вид мой глупый всё ...ненужнее.
Седины. Грусть. Печальная пора.
Не светятся в глазах былые искры.
Юнцом цветущим был ещё вчера.
И вот сомненья, опасенья, риски...

27 марта, ночь

Последнее письмо перечитал,
Вернулся к прошлым, трезво всё обдумал.
Как сразу не почуял твой металл,
Холодный, осторожный и угрюмый?
По-прежнему: «Почтенный старший брат...
(Как будто гвозди в гроб мой забиваешь.)
Я не привыкла к горечи утрат...
Не ровня — мы, ты это понимаешь.
Сам попросил — лишь правду напиши.
Я и пишу твоим речам послушна...
Оплакивать разлуку не спешу,
Я слишком молода, учиться нужно»...
...Рассвет в окно сочится через мглу...
Посплю, переживу судьбы наскоки...
Проснулся, вижу вазу на полу
Точнее не её, одни осколки.

АЙ ЦИН **(1910—1996)**

Ай Цин (настоящее имя Цзян Чжэн-хань) (1910—1996) — крупнейший китайский поэт XX века, яркий литературный критик и создатель теории стиха. Человек с интересной, но очень трудной судьбой, в жизни которого было всё: и ссылки, и тюрьмы, и жизнь на чужбине, и признание. Отличался большим оптимизмом и верой в победу добра и света. Переводчик Л. Черкасский назвал его «подданный солнца» — настолько часто в его строчках встречаются самые разные солнечные образы и обращения к светилу. Он был тем поэтом, который услышал призыв Мао Цзэдуна к исторической активности и солнечности в поэзии и поддержал его своим творчеством.

Родился поэт в провинции Чжэцзян в семье помещика, однако воспитывался в семье крестьянки-кормилицы, которой в дальнейшем

посвятил поэму. Получил неполное среднее образование, хотел стать художником (но эту его мечту позднее воплотил сын — Ай Вей Вей, ставший знаменитым, хотя и скандальным художником), учился в Академии художеств, в 1929 году продолжил свое образование во Франции, где глубоко изучал французскую поэзию и европейскую культуру. Через три года вернулся на родину, вступил в Лигу левых художников, но вскоре был арестован за выступление против Гоминьдана и три года провёл в тюрьме. Именно там он начал заниматься поэзией и написал первую книгу — «Даяньхэ», посвященную жизни в деревне и получившую известность в литературе того времени как образец новой поэзии, написанной верлибром.

Ай Цин отличался большим общественным темпераментом. Он принял активное участие в национально-освободительной борьбе против японцев, захвативших китайские территории, писал патриотические стихи, в 1941 году вступил в КПК. В творчестве Ай Цина много стихотворений, содержавших высокую оценку СССР (впоследствии это отразится на его судьбе и обернётся ссылкой). В 1942 году он пишет поэму «Зоя», воспевающую подвиг советской девушки, быстро ставшей известной в Китае. В период

войны творчество Ай Цина стало вершиной китайской литературы, и оно устраивало идущих к власти коммунистов: поэт одинаково хорошо владел и языком агитки, и образами классической поэзии.

Но ещё до прихода Мао Цзэдуна к власти в отношениях Ай Цина и руководства КПК намечаются расхождения: поэт в цикле статей пытался отстаивать право художника на свободу, пусть и в рамках коммунистического мировоззрения, выступил против утилитарного подхода к поэзии, в котором, по его мнению, проявлялось неуважение к художнику-творцу. Позиция Ай Цина вызвала критику, но он был слишком крупной фигурой, и его пока не тронули. Более того, после создания коммунистического Китая он занимал ряд постов в творческих и общественных организациях, был редактором литературных журналов, выпустил несколько поэтических сборников. Его выпускали в зарубежные командировки (СССР, США), что нашло отражение в его книгах и циклах стихов.

Однако после ухудшения отношений Китая с СССР и с Хрущевым поэт попадает в опалу. Это было связано с изменением эстетических идеалов государственной политики в области китайской литературы, где начал искореняться

буржуазный субъективизм. Ай Цина обвинили в индивидуализме, высокомерии, самокопании, увлечении зарубежной тематикой и прославлении СССР. Его зачисляют в «правые элементы» и посылают на «перевоспитание трудом» в отдалённые районы Китая (Манчжурию), где он в течение шестнадцати лет занимается чисткой общественных туалетов. Только в 1973 году постаревший поэт возвращается в Пекин для лечения. Литературная деятельность Ай Цина была прервана на целых двадцать лет. Печатать его начали только в 1978 году. Он издаёт получившую шумный успех поэму «На гребне волны» (1978), где обличает «культурную революцию», и сборник «Песни возвращения» (1988).

По моему глубокому ощущению, солнечность поэзии Ай Цина — не дань политике, но мудрое ощущение жизни, уходящее корнями во времена до Конфуция и Лао-цзы. Китайцы знали космические циклы со времён «И Цина», верили в Дао многие тысячи лет, своевременно понимали задачи, когда нужно разбрасывать, а когда собирать камни. Сегодня вместе с Россией они делают важнейшее для всей планеты дело — пытаются собрать мир на основе культуры, в том числе и с помощью поэзии Китая. Вот как определил её задачи в XX веке Ай Цин:

«Поэзия — полпред свободы. Голос поэзии — голос свободы. Смех поэзии — смех свободы. Отдай поэзию народу. Пусть она станет духовным оружием народа... Поэзия не только учит народ чувствовать, но еще больше учит его думать. (Вот где два великих начала, на которые опирается поэзия: чувство и мысль!) Поэзия — не только мудрый друг в жизни, но и преданный товарищ в борьбе!.. Поэты, вставайте! Отдадим нашу жизнь мужественной борьбе с мерзостью и тьмой, с наглостью и жестокостью, зверством и безумием!..»

Считается, что Ай Цин, чья поэзия испытала серьёзное влияние Эмиля Верхарна, Уолта Уитмена, Владимира Маяковского, внёс большой вклад в развитие свободного стиха у себя на родине. Литературное подвижничество Ай Цина, его мужество в защите своих идеалов нашли признание не только у себя на родине, но и во всём мире: в 1985 году он был награждён президентом Франции Франсуа Миттераном литературной премией.

Два дерева

Два дерева в горах стоят
В нарядах пышных и зелёных.
Они — родня, на первый взгляд.
Хотя растут на разных склонах.
Что их объединяет? Корни,
Которые в земле сплелись?
А может быть, они покорны
Корням, что в небе родились?

Венера

Венера — несравненная звезда!
Серебряная, нежная, святая.
Ты ярко загораясь, когда
Ночь, утру место уступая, тает.
Подругам в небе скрыться суждено,
А ты ещё сияешь величаво,
Тебе одной-единственной дано
Приветствовать лучи восхода право.
Ты смотришь, как на каменных плечах
Далёких гор день привстаёт погожий,
И скромно растворяешься в лучах
Любимых всеми и тобою тоже.

Весть о рассвете

Вперед, поэт!
Неси повсюду весть
О неизбежном света пробужденье,
Что ложь уходит, правда в мире есть,
Что власть труда сменяет царство денег.
Пусть эту новость выслушают все,
Кто солнца ждёт, тоскует о свободе,
Что я иду, ступая по росе,
Под звёздами и при любой погоде.
Иду с Востока, также по волнам
Седого океана, где рождался.
Несу я радость изнемогшим вам,
И этой вести, наконец, дождался.
Поэта неподкупные уста
Пусть скажут:
—В мир приходит красота!

Солнце

Оно взошло из-за вершин высоких,
Из-за могил, заброшенных давно,
Из-за потоков буйных и жестоких,
Несущих смерть всем, кому жить дано.
Шар приподнялся неизменных истин
И обозначил вечный горизонт.

Зашелестели на деревьях листья,
Запел и я природе в унисон.
О чём? Что насекомые проснулись,
Что зазвучали ритмы площадей,
Что города, селенья встрепенулись,
И звонче стали голоса людей.
И длань Его верховного огня
Душевный хлам швырнула на сожженье.
И я поверил в правду воскрешенья
Всего, что гибнет, в том числе — меня.

Разговор с углём

— Где обитаешь ты?
— В запасниках горенья.
— Твой возраст?
— Старше гор, где я возник.
— Но кто ты?
— Сын эпохи Сотворенья,
Когда Земля исторгла первый крик.
— И жив ещё?
— Живее всех живущих.
— Зачем молчишь?
— Забыли про меня.
Не слышат моих возгласов зовущих.
— А зов о чём твой?
— Дайте мне огня!

Восход Солнца

Оно взошло — и мы его зовём
Огнём проснувшихся многоэтажных
зданий,
Работаем, сражаемся, плывём
В Индийском или в Тихом океане.
Я с детства свет его в душе носил,
Свои мечты высокие лелея.
Всегда от солнца набирался сил,
Упрёки посылать ему не смея.
...Увидел в жизни свет её высот
И мрачные, холодные низины.
И вот встречаю солнечный восход
В жаре асфальта и в парах бензина.
Не часто поднимаю вверх глаза,
По сторонам оглядываться нужно.
Лучи, что посылают небеса,
Встречают горожане равнодушно.
Машины, толпы, тени от громад,
Ушедшие в себя глаза прохожих...
Поэтому восхода аромат
Мне в городе прекрасней и дороже.

1937

Женщина чинит одежду...

Одежду чинит женщина за плату,
Усевшись на песке. Дитя при ней.
И у самих одежда вся в заплатах.
Жара вокруг становится сильней.

Ребёнок плачет от песка и зноя,
Трёт ручкой покрасневшие глаза,
У нас, в Китае, позднею весною,
Недолго сохнет всякая слеза.

Носки заштопаны.
Их вновь надел прохожий,
Исчез из виду на своём бегу...
Такое вижу часто днём погожим,
Описывать же дальше не могу...

1937

Снег

Великий снег лежит в Китае глухо
На всём пространстве и в любом углу.
К нам тянется, как нищая старуха,
Чтоб ухватить прохожих за полу.
Вот на телеге тащится мужчина,
Такой же древний, как его возок.

— Старик, послушай, по твоим морщинам
Я собственную жизнь прочесть бы мог.

И я тащил неслыханное бремя
По лесу жизни через волчий вой.
Река земная под названьем «Время»
И над моей смыкалась головой.
Прошёл сраженья,
Отдал тюрьмам годы,
И снова время требует — отдай!
Великий снег, тяжёлая погода
Легла на мой возлюбленный Китай.

Седая женщина, но юная, к тому же,
Нахмуренно глядит из-под руки.
Она в сраженьях потеряла мужа,
Познала взрывы, пули и штыки.
Таких несчастных на дорогах много,
Где топчется чужая солдатня.
О наша вековечная дорога!
Ухабы, грязь и лужи у плетня...

Великий снег и вьюга над Китаем
Мечтают нас в себе похоронить.
Мы к небесам с молитвами взываем,
Стараемся надежды сохранить.
Надеемся на радостные сроки,
Кто молится, а кто ведёт борьбу.

Родной Китай, пишу вот эти строки,
Чтоб хоть чуть-чуть согреть твою судьбу
Великий снег лежит на всём Китае...

Февраль 1938

Ода Свету
(Отрывок из поэмы)

Покинув чрево матери, дитя,
Увидев мир земной, кричит от боли.
Утратило покой, приобретя
Столь тяжкую для всех свободу воли.

Без Света жизнь, что человек без глаз,
Моряк без компаса, винтовка без прицела.
И красота от нас бы отеклась,
И даже жизнь сама не уцелела.

Без Света обездвижена Янцзы,
Её великолепное теченье.
Невнятно приближение грозы,
Неисчислимо звёздное свеченье.

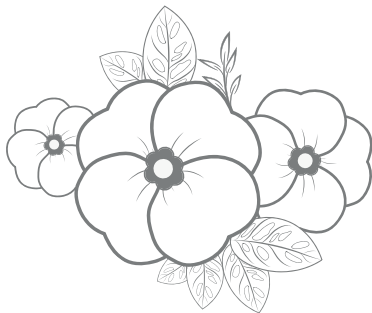
Умён ли этот встречный или туп,
Богат, бездомен, щедр или завистлив...
Он неизбежно рвётся в высоту
И от неё всем существом зависим.

Без Света не рождаются цветы,
Сливается Земля с потухшим небом,
Не успевают осенью плоды,
Кружат метели почернелым снегом.

Без Света исчезают тьма и дни,
Вползает серость, блекнут всюду краски.
Мы попадаем вечно в западни,
Теряем восхитительные сказки.

1979

ЧЖЭН МИНЬ (1920)

Чжэн Минь называют вечнозелёным деревом китайской поэзии. Определение совершенно справедливо хотя бы потому, что ей сегодня 100 (!) лет, и она продолжает писать и развиваться. Она — единственный ныне здравствующий поэт из знаменитой «Школы поэзии девяти листьев». Вот что она говорит о своём настоящем и будущем: «Каждый день я чувствую, что ещё не закончила!» и «Я переходила от одного к другому всегда и до сих пор не чувствую, что достигла наивысшей точки». О ней много пишут не только в Китае, но и за рубежом, особенно в Англии. Чжэн Минь является свидетелем и участником целого поэтического века.

Поэтесса родилась 18 июля 2020 года в Пекине. Много лет она провела на Западе и впитала в себя английскую культуру. Училась на

философском факультете Юго-Западного ассоциированного университета, а затем продолжила обучение на английском факультете Университета Брауна в США и стала магистром в области английской и американской литературы. Стихи начала писать в сороковых годах XX века. Довольно быстро выпустила первый сборник — «Собрание стихов: 1942—1947». Затем перестала публиковаться на целых тридцать лет, занимаясь преподаванием и исследовательской работой. Хотя она была вполне востребована на Западе, тем не менее в 1955 году вернулась на родину, в Китай. Как человек, долгое время живший на Западе, Чжэн Минь прошла через «культурную революцию» 1950—1960 гг., живя в деревне и занимаясь тяжёлым трудом. Позднее вернулась к преподавательской деятельности и работала в двух вузах — в Институте литературы Китайской Академии наук и в Пекинском педагогическом университете. Её возвращение к поэзии нередко называют чудесным. Она выпустила несколько поэтических сборников: «Девять листьев» (в соавторстве с Синь Ди), «Поиски», «Сердце», «Поутру под дождём я цветы собирала». Считается, что она пишет больше о современных реалиях и пытается

соединить западную культуру с китайской классической традицией. Её лирику определяют как синтез живописи и музыки (известно, что Чжэн Минь хорошо поёт), выраженный в слове, и отмечают её богатое воображение, утончённость и в то же время философскую глубину. Профессор Чжан Янь писал о Чжэн Минь: «Одна из поэтов “Девяти листьев”, столетняя госпожа Чжэн Минь шла к нам нескончаемыми шагами, источая свою поэтическую ловкость и мудрое спокойствие, унося нас из настоящего момента в будущее».

Помимо стихов, литературное творчество Чжэн Минь включает прозу и серьёзные монографии о месте китайской поэзии в мировой литературе, в поэтической культуре Запада и даже пытается осмыслить природу постмодернизма и постструктурализма. Сегодня не только в Китае, но и на Западе она воспринимается как живой классик, достигший высокого мастерства и заслуживающий признания. Её стихи активно переводятся не только на английский, но и на французский, шведский, японский, корейский языки. Её высоко оценивали не только как поэтессу, но и как творческого интеллектуала, способного видеть глобальные проблемы и предлагать

свой путь решения мировых противоречий. «Поэзия без философии не имеет смысла», — говорит Чжэн Минь. Когда её спросили, как Чжэн Минь соединила чувствительность поэта с разумом интеллектуала, она сразу же ответила: «Изучая в философию, вы находитесь в космосе и оттуда смотрите на мир. Когда вы, наполненные философским знанием, возвращаетесь к литературе, вы будете отличаться от тех, кто изучал только литературу. Без философии ваша поэзия просто сравнение более красивых вещей. Оно просто преобразовано в слова, а не отражает ваши мысли». Несмотря на жесточайшие испытания, которые ей пришлось пережить в XX столетии, Чжэн Минь, как всякий крупный художник, всегда сохраняла независимость и состояние творческого одиночества. Высокое одиночество создаёт в душе поэта созвучный особый творческий настрой, помогающий ставить своей лирикой точные вопросы и рождать красоту.

Приводимое в сборнике стихотворение «Ты прошла осеннюю тропею» посвящено Чэнь Цзинжун (1917—1989), которую считают одной из самых известных поэтесс Китая. Стихи Чжэн Минь на русском языке опубликованы в поэтической антологии китайской

поэзии «Азиатская медь». Стихи отличаются особым лирическим чувством, искренностью, изяществом.

Ты прошла осеннюю тропю

Незабвенной Цзинжун

Лес прозрачен... Лишь глаза закрою,
Явственно увижу облик твой —
Ты идешь, окутана листвою,
Солнечной осеннею тропой.
Та любовь, что гаснет, догорая,
Навсегда мне прочертила след —
Хризантема, даже увядая,
Испускает негасимый свет.
И, влекома этой вечной тайной
Хризантемы и души твоей,
По тропинке я иду случайной
Вслед за светом по ковру теней.
Запах хризантемы — горько-нежный,
Как любой страдающей души...
Ты зовёшь идти вперёд с надеждой,
Тихо шепчешь:
— Падать не спеши.

1990

Окровавленный лилии цветок

Её бутон лишь приоткрылся нежно,
Как полоснул по телу острый нож.
Кровь пролилась в траву струей безгрешной,
И юный стебель охватила дрожь.
Я вижу муки, всюду слышу стоны,
Молчанье неосознанных обид.
Цветок упал, ещё совсем зелёный,
Не понимая, почему погиб.
Вопросы остаются без ответа
Надежды вечно исполненья ждут.
Тьма гасит постоянно вспышки света,
И беззащитен наш сердечный труд.

2005

ХАЙ ЦЗЫ (1964—1989)

Хай Цзы (настоящее имя Чжа Хайшэн) — самый крупный из современных поэтов Китая, лирик, которого называют «китайским Есениным» — слишком много общего было и в судьбах, и в творчестве обоих: родился в 1964 году в деревне на Востоке Китая. Несмотря на недолгую жизнь, Хай Цзы успел сделать в литературе очень много.

Семья родителей была простой, крестьянской, и потому не могла дать ребёнку блестящего образования. Тем не менее, он проявил, можно сказать, врождённые способности к литературе. В четыре года пошёл в школу, где был самым маленьким по росту, и уже в возрасте пяти лет блестяще выступил в конкурсе декламации, прочитав 48 цитат Мао Цзэдуна. Отличался прилежностью к учёбе и любознательностью. Окончив школу в 15 лет, Хай Цзы

поступил на юридический факультет в государственный университет, став одним из самых молодых студентов этого вуза. Основные его интересы в то время были связаны с образованием. Он читал большое количество философской литературы, но изучал и Данте, и Гёльдерлина. Главным его интересом была всё-таки поэзия. Хай Цзы рано начал писать стихи, и ещё будучи студентом, взял себе псевдоним Хай Цзы.

После окончания университета Хай Цзы не стал работать юристом, а неожиданно решил преподавать в школе, а затем стал редактором журнала при Китайском университете управления и права. К увлечению философией прибавилась кибернетика, но более всего влекла его литература. Молодой поэт основал поэтический кружок «Звёздная пыль», где юные литераторы обсуждали поэзию, читали друг другу свои стихи и начали выпускать литературный альманах. Хай Цзы стал участвовать в поэтических конкурсах, где его заметили и даже отметили премиями. Но поэт с ранних лет тянулся к сельской жизни, природе и мечтал жить в деревне. Руководство командировало его в свой филиал «Чанпин», где он занимался преподавательской работой и продолжал писать стихи.

Громадную роль в жизни поэта сыграла встреча с поэтессой по имени Лань Бовань. Однако отношения их не были продолжительными: родители девушки потребовали от неё решительного разрыва с Хай Цзы, для которого разлука оказалась сильнейшим ударом по психике — поэт стал задумываться о самоубийстве, что сразу проявилось и в его стихах.

Интересы Хай Цзы были разносторонними, а устремления порой противоречивыми до парадоксальности. С одной стороны, его влекла западная литература, с другой — он любил поэзию Востока и России, и особенно ценил индийскую лирику. Позднее поэт увлекся буддизмом, даже съездил в Тибет, где искал материал для своей будущей драмы «Солнце». Модернист в поэзии (но лишь отчасти) и традиционалист по образу жизни, мечтающий, как и поэты древнего Китая, вернуться в деревню, он выглядел в обществе 80-х годов прошлого века, как странная фигура, совершенно не отвечающая духу времени. И хотя у него было немало друзей среди китайских поэтов, понимавших масштаб одарённости юноши, он чувствовал себя очень одиноким. Явных гонений Хай Цзы не пережил, хотя литературные чиновники критиковали его за оторванность от жизни и отсутствие стихов,

воспевающих социалистические ценности. Властям казалось, что он обожествляет природу, в то время как её нужно преобразовывать. Но и здесь Хай Цзы опередил своё время: ведь только сейчас, через два десятилетия после его смерти, интерес к природе в китайском государстве очень вырос: проблемы экологии в современном Китае стоят весьма остро.

К концу восьмидесятых годов кризис, развившийся в душе этого тонкого человека, достиг предела. Одиночество, неприятие потребительских ценностей, ощущение непонятости и ненужности обществу его поэтических исканий, любовная драма — всё это вылилось в болезнь, которая сопровождалась сильнейшими головными болями. Не выдержав очередного приступа, Хай Цзы покончил с собой, бросившись 26 марта 1989 года под колёса проходящего поезда. Хай Цзы повторил поступок поэта III века до н. э. Цюй Юаня, совершившего ритуальное самоубийство в знак несогласия с предательской политикой правительства. Имя Цюй Юаня как великого патриота чрезвычайно популярно в Китае.

Существуют разные версии поступка Хай Цзы, в том числе версия протеста молодого поэта против эксцессов «культурно революции».

Но в творчестве Хай Цзы нет ни одного намёка на эту тему. Оно всё проникнуто любовью к природе, женщине, деревне. А вот мотивы несовместимости поэзии со стандартами общества потребления звучат недвусмысленно, как и во всём сборнике «Азиатская медь».

При жизни о Хай Цзы вышло несколько статей в научных литературоведческих журналах как о поэте, в творчестве которого соединены элементы модернизма и сюрреализма. Но по большей части его стихи тогда ходили в списках вместе с образцами творчества близкой ему по эстетике группы «Туманные поэты». Поэтому, как это нередко случается с поэтами во все времена, слава настигла Хай Цзы уже после смерти. Литературные критики Запада называли его «автором поэтических бестселлеров». Его сборники издаются в Китае огромными тиражами, у поэта появилось множество подражателей, ежегодно в день годовщины смерти Хай Цзы во многих китайских университетах проходят памятные мероприятия. Рядом с домом родителей открыт его музей.

К сожалению, в России он известен довольно мало. Между тем, сам Хай Цзы проявлял к русской поэзии большой интерес. Особенно близок ему был Сергей Есенин, с судьбой и творче-

ством которого у него было немало прямых пересечений. Оба они писали о том, как неуютно ощущает себя человек с лирической душой среди грохочущей цивилизации, которая разрушает милый сердцу патриархальный мир деревни и природы. Хай Цзы посвятил Есенину целый цикл стихотворений, который так и называется «Сергей Есенин». Более того, Хай Цзы сам себя назвал «китайским Есениным».

Весь объем творчества Хай Цзы, в силу его непродолжительной, двадцатипятилетней жизни, невелик — около двухсот стихотворений, две поэмы («Но вода, вода», «Земля» и незавершённая поэтическая драма «Солнце»). Он успел издать вместе с другом Си Чуанем сборник стихов «Кувшин пшеничного поля». В его стихах парадоксальным образом соединялись постмодернистские подходы, сюрреализм, образы фэнтези и, одновременно с этим, пронзительное воспевание простой сельской жизни и традиционных тем китайской поэзии во все времена — любви, обожествления природы, тишины, уединения.

В мировой поэзии Хай Цзы — явление уникальное.

Он из тех поэтов, кто предчувствовал свою преждевременную смерть. Таковы Байрон, Эдгар По, Рембо, Есенин, Николай Гумилёв, Руб-

цов. И кто звал смерть, как отдых от «земной экзистенции», выражаясь европейскими категориями. Вспомним знаменитый 66 сонет Шекспира, начинающийся словами «устал от жизни». Или лермонтовское «Я б хотел забыться и заснуть». Но, тем не менее, поэзия Хай Цзы лучезарна, проникнута светом. Даже Сергей Есенин говорил: «Знаю я, что в той стране не будет этих нив, златящихся во мгле». В стихах китайского поэта звучит несокрушимая оптимистическая надежда, что в «той стране» будут реализованы все его земные мечты и планы: он слышал пульс «метаистории».

У Хай Цзы есть стихотворение «Азиатская медь». Его название стало названием последней антологии китайской поэзии, переведённой на русский язык. Я перевёл его вольно, но сохранил в неприкосновенности первую строку («Азиатская медь, азиатская медь!»), которая звучит как набат — лучше не скажешь. В моём переложении этого стихотворения усиливается мысль о незыблемости азиатского материка как родины жизни и поэзии и о незыблемой вечности духовных ценностей Азии. Можно усмотреть в «Азиатской меди» некий «геополитический идеализм», даже идеализм «детский», но вспомним научную идею Гондваны о существо-

вании некогда единого материка, впоследствии разделившегося на пять материков, вследствие чего их береговые линии совпадают. Вспомним библейские заветы о единой вере и едином человечестве, пушкинские упования на времена, «когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Может быть, очередной виток истории завершается, и человечество возвращается к утерянному «детскому единству», а вовсе не к новому Армагеддону?

Азиатская медь

Азиатская медь, азиатская медь!
В ней завещано жить, а затем умереть.
Сомневаться, любить, воевать против зла,
Совершать на планете благие дела.
Азиатская медь, азиатская медь!
Как из тьмы в безмятежное небо взлететь?
Цюй Юань* там земную погоду творит
И серебряным голубем в тучах парит.
Азиатская медь, азиатская медь!
Барабан возвещает мне скорую смерть —
Превращение в лунный заоблачный свет.
Верю — в сердце моём сохранится поэт!

---

* Цюй Юань (ок. 340—278 до н. э.) — первый известный лирический поэт в истории Китая. Его образ стал одним из символов патриотизма в китайской культуре.

Деревня

Родина моя, моя деревня!
Тихие пшеничные края,
Ты подобна сказочной царевне,
Пушкинская мать, теперь — моя.
Ветер дует северный и южный
Поднимает волны на полях.
Льётся дождик, тёплый,
Нежный, нужный
В русских и китайских деревнях.
С неба льются тысячи улыбок,
Падают минуты и часы.
Девушка и стайка светлых рыбок
Задремали в капельке росы.
Звёздные бездонные кочевья,
Тысячи и тысячи огней!
Родина моя, моя деревня!
Чёрный жемчуг рисовых полей.

Гимн пшеничному полю

Соберу пшеницу
В полумесяц лунный.
Бессловесным зёрнам
Гимн не написать.
Сам его спою

На лире многострунной
Родине во славу,
Также небесам.
Трудится на пашне
Сутками отец мой.
Старая рубаха,
Потная спина.
В голову приходит
Радостное детство.
Облачные крылья.
Полная луна.
Хорошо, что часто
Жизнь в деревне снится,
Что в душе звучат моей
Песни вольных птиц.
А ещё в глазах
Качается пшеница,
Чуть касаясь стеблями
Дрогнувших ресниц.
В городе бываю
Грустным и неловким.
То гнетёт забота,
То придёт беда.
Память примиряет
С жребием нелёгким
На пшеничном поле,
На тропе труда.

Лунный свет над нами
Плещется столетья.
Не исчислить возраст
Полю и сохе.
Все мы дети Неба
И земные дети
С побережий Нила,
Волги, Хуанхэ.
Зарастает прошлое
Мхом и сон-травой
Рушится надменный
Каменный дворец.
Вечно проживают
Под луной лишь двое —
Бедный и богатый,
Глупый и мудрец.
Среди них я — третий
Сновиденьем болен —
Ночью часто снится
Неизменный сон.
Поселились люди
На пшеничном поле,
Солнце не уходит
Там за горизонт...

Реквием

На сердце тяжёлой тоски торжество —
Я получил удар.
Он умер, он умер! Не стало его.
Насытился смерти удав.
Остались в душе лишь песен следы
Да пепел неспетых слов.
А в небе ночном неизвестной звезды
Проснулся сияющий зов.
Ушёл человек, умирают стихи.
Немеют и слепнут в тени.
Зато громогласны кругом пустыки
И лезут в глаза они.
Постой перед гробом, недолго постой
У тёмного смертного рва —
Услышишь химеры отзвук пустой
И будущей жизни слова!

Ко дню рождения

На рассвете приснился мне мой день рожденья,
Покатился к востоку он светлой луной.
А потом на закате вечерние тени
Принесли сновидению образ иной.
Светлый день завершается тёмным закатом
Но дорога у солнца не оборвалась:

Настоящая жизнь наступает за кадром
Той, что нам, бедолагам, доступна для глаз.
Ей совсем не нужна наша дань многословью.
Смерть телесная тоже её не страшит.
Согревает она наши души любовью,
На ветру поцелуями нежно дрожит.
Завтра утром я странником радостным стану,
Буду сено косить и готовить дрова.
Путешествовать по многочисленным странам,
А постелью послужит густая трава.
Письма близким пошлю с неземного вокзала.
Расскажу им о радости жизни другой,
Той, которую молния мне показала,
Заодно подарила весёлый покой.
Пожелаю земле я такого же счастья,
Всем влюблённым — жениться,
Здоровья — больным.
А себе — с безнадежной тоской распрощаться
И остаться в сердцах у людей молодым.

* * *

Женщины моих минувших встреч,
дорогие девушки-крестьянки,
Чтобы память обо мне сберечь,
Соберите все мои останки.
В тёмный кипарисовый ларец

Их сложите и на полку спрячьте.
Но от мамы скройте мой конец,
Ну а сами весело заплачьте...

ЦИКЛ СТИХОТВОРЕНИЙ, ПОСВЯЩЁННЫХ СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Поэт

Сын рисовых долин и склонов чайных,
Прошёл я в жизни множество дорог,
Всё испытал в скитаниях печальных:
Нужду и беды, нежность и порок.
Был в Персии и в прочих странах мира,
В полях рязанских ночевал и рос,
Пил за столом московского трактира,
Повсюду помнил золото берёз
И золото волос своих весенних
Всё ярче разгорается их свет.
Пустая комната. Сидит Сергей Есенин
В запое творчества, как истинный поэт.
Ушли виденья всех минувших былей,
Уплыли в синем небе журавли.
Тела с гробами под землёю сгнили.
Зажглась Весна его родной земли.
Любовь с уходом тел не прекратится.
Земля — единственная женщина моя!

Вдали растаявшая маленькая птица.
Она — прекрасна, плох и жалок я.

Кукурузное поле

Повеял ветер над зелёным полем
Затрепетали всходы — лепестки.
В своём воображении я волен
Представить их, как вешние стихи.
Зелёные росточки — наши души,
Чья тайная работа не видна.
Её не слышат также наши уши,
В пространстве остаются письма.

Хмельная родина

Ночью однажды нетрезвым упал
Я на родное поле.
После как будто из жизни пропал
В глубоком своём запое.
Тело лежало без чувств, без ума
В густой пшеничной обители.
Молча за мной наблюдала луна,
Крестьяне меня не видели.
Праведно спали.
Мне же вокруг
Всё показалось пьяным,
Тело махало крыльями рук,

Жизнь представлялась туманом.
Горы я братьями называл,
Реки — родными сёстрами.
С ними всю ночь напролёт танцевал,
Также с далёкими звёздами.
И, наконец, забрезжил рассвет,
Даль облаков заалела.
Мне вдруг подумалось: «Слушай, поэт,
Пора возвращаться в тело».

Путешествие скитальца

Я скиталец без крова, без родины,
Мне навстречу одни ветряки.
Деревенских просторов подданный
В городские попал кабаки.
Водку пью и роняю слёзы
В опустевший души стакан.
Я пою, как прекрасны берёзы
И как я безобразно пьян.
Как бродил по полям и оврагам,
Утомился к исходу дня...
Проституткам пел и бродягам,
И они понимали меня.
Много лет я молчал об этом
В городской своей тесноте
И теперь вот слова поэта

ЛЯН СЯОМИН (1963)

Современный поэт-авангардист, эссеист, прозаик. Родился в 1963 году в Шанхае. В 1987 году он основал китайский авангардный поэтический журнал «Тропик рака» и стал его главным редактором. В 1994 году выиграл поэтическую премию «Народная литература» к 45-летию основания Китайской Народной Республики. С 1985 года его произведения переводились и последовательно представлялись в Японии, Германии, США, Великобритании, Турции, Южной Корее и Тайване. В 2018 году Лян Сяомин вошел в десятку лучших поэтов Китая.

Я сделал единственное переложение его яркого стихотворения о силе китайского духа. Это стихотворенье было опубликовано в сборнике «Азиатская медь», где представлены лучшие образцы современной китайской поэзии, начиная со второй половины XX века.

Стекло

Сжал человек осколок — и огонь
Почуял в пальцах, резко боль пронзила.
Сжал крепче — запылала вся ладонь,
В конце концов, употребил всю силу...
Не ведающий слёз кусок стекла
Податливую плоть бесстрастно резал.
Но кровь текла, а кость была цела —
Китай внутри походит на железо...
Он ныне пальцы терпеливые разжал,
Остановила кровь своё течение.
Увы, извечен тел и душ пожар,
Но только он приносит очищенье!

ЭПИЛОГ

В прошлом издании книги переводов и переложений китайской поэзии «Поднебесная хризантема» в постскриптуме я писал, что странствие по безбрежным поэтическим дорогам Поднебесной длиной в три тысячи лет завершено. Но я снова вернулся к этой теме. В этот раз странствие оказалось куда короче — всего два столетия с заходом на наш, XXI век. Книга «Весть о рассвете», которую вы держите в руках, — включает поэзию некоторых авторов XIX—XX века, представленных в «Поднебесной хризантеме», но в ней гораздо более полно раскрыто поэтическое наследие Мао Цзэдуна. Другой важный момент — двое поэтов, присутствующих в книге, являются нашими современниками. Это поэтесса Чжэн Минь, которой недавно исполнилось 101 (!) год (о ней удалось собрать и представить больше биографических фактов) и

гораздо более молодой поэт Лян Сяомин. Потому в подзаголовке написано «Переводы и переложения китайской поэзии конца XIX — начала XXI века». Современная поэзия имеет новые черты в сравнении с китайской классикой. Главное отличие в том повороте китайского поэтического календаря в XX и XXI веке с лунного на солнечное направление, которое совершила китайская нация во главе с её лидером — революционером, государственным деятелем и поэтом Мао Цзэдуном. И поэзия при этом сохранилась!

Повторяю свой призыв к русским поэтам и ко всем читателям, любящим стихи: обратите внимание на великую китайскую поэзию — во многом благодаря ей Поднебесная стала лидером в нашем веке. Если Россия когда-нибудь совершит рывок, то важнейшей силой этого достижения должна обязательно стать культура и искусство, и в первую очередь — поэзия!

ПРИЛОЖЕНИЕ

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И СПРАВОЧНЫЕ ДАННЫЕ О Ю. М. КЛЮЧНИКОВЕ

Юрий Михайлович Ключников — известный русский поэт, эссеист, философ, переводчик, автор 25 книг стихов, прозы и публицистики, академик Петровской Академии наук, член Союза писателей России и Союза журналистов России. Лауреат III Славянского литературного форума «Золотой витязь», родился в рабочей семье 24 декабря 1930 года в городе Лебедин (Восточная Украина), где жил до начала Великой Отечественной войны. В 1941 году вместе с родителями был эвакуирован: вначале — в Саратовскую область, а в 1942 году — в Кузбасс. С 1942 года и до сегодняшних дней живёт в Новосибирске.

Окончил филологический факультет Томского университета. Работал учителем литературы, директором школы, журналистом в газете, радиокорреспондентом, а также главным редактором Новосибирского областного радио, Западно-Сибирской студии кинохроники, редактором издательства «Наука» СО РАН. В 1979 году

был обвинён в идеализме и богоискательстве и после трёхлетних партийных разбирательств уволен с работы, затем 6 лет трудился грузчиком на хлебзаводе. В годы перестройки издавал книги по духовной культуре Востока, Запада и России. Публиковался в центральных литературных журналах и изданиях.

Поэзия и публицистика Юрия Ключникова была высоко оценена такими известными литераторами разных направлений, как В. Астафьев, В. Солоухин, В. Кожинов, Ю. Селезнев, В. Сидоров, Е. Евтушенко, В. Лихоносов, А. Проханов, В. Бондаренко, С. Куняев, Л. Аннинский, В. Смирнов, Г. Иванов, В. Калугин, Э. Балашов, А. Парпара, С. Золотцев, В. Курбатов, Л. Ханбеков, Ю. Линник, В. Костин, М. Бушуева, Г. Красников, А. Шорохов, С. Арутюнов и другие.

Работник тыла: Юрий Ключников во время войны в 13-летнем возрасте несколько месяцев трудился в качестве ученика токаря на заводе «Красный Октябрь» в шахтёрском городе Ленинске-Кузнецком. Путешественник. Совершил ряд экспедиций по высокогорным районам Алтая, Индии, Непала, поднимался на высоту более 4000 метров.

Интернет-страницы Ю. Ключникова:

<http://korni.kluchnikov.ru/>
<http://www.stihi.ru/avtor/kluchnikov>
<http://www.rospisatel.ru/Klyuchnikov-stihi.htm>

С 1990 по 2021 год Ю. Ключников опубликовал более двух десятков книг стихов, публицистики и прозы: «О назначении России (1989), «Благая весть Новой Эпохи» (1991), «Мистический Пушкин» (1992), «К Белухе» (1992), «Лики» (1993), «Небесная Россия» (1994), «Белый остров» (2000), «Поэт и фея: эзотерическая сказка о странствиях души в мирах видимых и невидимых» (2004), «Стихия души: опыт постижения» (2005), «Годовые кольца» (2006), «Я в Индии искал Россию» (2009), «Лики русской культуры» (2009, 2012), «Русское окно» (2010), «Осенняя молитва: лирический дневник» (2011), «Дом и дым: лирические итоги» (2013), «Музыка цвета и слова: небесная Россия» (2014), «Душа моя, поднимем паруса!» (2015), «Откуда ты приходишь, красота?: вольные переводы французской поэзии XII—XX вв.» (2014, 2015), «Караван вечности: вольные переводы суфийской поэзии VIII—XX вв.» (2016), «Предчувствие весны: воспоминания и размышления поэта о времени и судьбе» (2017), «Поднебесная хризантема: 30 веков китайской поэзии» (2018), «Сонеты и по-

эмы Шекспира. Поэзия шекспировской эпохи. Тайна авторства: исследования» (2020), «Слово Ариаварты: 35 веков индийской поэзии» (2021), «Джон Донн. Растущая любовь: сто двадцать лучших стихотворений и поэм» (2021), «В поисках Рая. Философская лирика» (2021).

Юрий Ключников неоднократно публиковался в таких изданиях, как журналы «Наш современник», «Сибирские огни», «Литературная учёба», «Московский Парнас», «Пушкинский альманах», «Наука и религия», «Молоко», газеты «Экслибрис», «Завтра», «День литературы», «Советская Россия». Ю. М. Ключников — автор более 2000 стихотворений, Лауреат III Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (Серебряный диплом), лауреат литературной премии им. Н. М. Гарина-Михайловского, Лауреат премии Союза писателей России (2016), Большая литературная премия России (за выдающиеся достижения в области художественного перевода) (2021), Литературная премия им. А. А. Фета (2021). Герой документального фильма «Белый остров» (режиссер В. Тихонов), награжденного специальным дипломом «За философский и поэтический поиск» на Международном фестивале «Золотой Витязь». Женат (жена — художница, руководитель региональной общественной организации

«Русский клуб»), сын Сергей (психолог, философ, писатель, издатель) и дочь Марина. Живёт и работает в Новосибирске.

BIOGRAPHY

Yuri Klyuchnikov is a Russian poet, essayist, philosopher, translator, traveller, author of 26 books of poetry, prose, an academic of Petrovsky Academy of Sciences, a member of the Union of Writers and the Union of Journalists of Russia and a prizewinner of the Slavonic Literature Festival “Golden Knight”. He was born in a workers’ family on December 10, 1930 in a small town of Lebedin in Eastern Ukraine. At the beginning of the Great Patriotic War his family was evacuated to Siberia. At the age of 13 he worked in the rear as a turner’s apprentice at the factory “Red October”. Since 1942 he has been living in Novosibirsk.

After graduating from the Tomsky University he worked as a teacher of Literature, a headmaster of school, a journalist and a radio reporter. He was rather successful at the beginning of his journalistic career and in 1964 during “the thaw” he was sent to the Higher School of the Communist Party in Moscow where he studied journalism and French for 2 years. Yuri worked as a guide with tourists and

professors of Sorbonne, with journalists and writers. It pushed him to study the French poetry which he found fascinating and absorbing. Especially he was deeply interested in the poets unknown to the Russian readers. Several years later he translated 250 poems of 57 French poets of the XII—XX centuries into Russian and published a book of translations named “Where does the Beauty Come From?”

Thanks to the access to the special funds of the Lenin Library he managed to familiarize with philosophic and religious sources of the world literature which were not available to ordinary people and it surely had a great influence on the views of the future poet. Still loyal to the socialist ideas, Yuri saw the hopelessness of the cruel soviet atheism. In 1966 he came back to Novosibirsk where he started working as a chief editor of the local radio and Western-Siberian studio of documentaries. Besides, he started the project of publishing eastern literature in the Siberian Department of the Publishing House “Science” attached to the Russian Academy of Sciences.

In the end of the 1970s Klyuchnikov started searching religious meaning in our life by studying eastern philosophy and Roerich’s theory. Then he willingly participated in signing the letter addressed to the Central committee of the Communist party

of the Soviet Union stating that there was an urgent need to reconstruct and review the concepts of Marxism. It caused a big scandal with 70 meetings and demands to plead guilty in trying to shutter the pillars of the Soviet regime.

Klyuchnikov refused to change his views and therefore was announced ideologically wrong to stay in the Party and work for the Publishing House. So he was fired with no right to work in this field. Now he worked as a loader and a rigger at the factories. He wrote poetry but it was not published.

In the years of “perestroika” he edited books on the spiritual culture of the East, West and Russia. He was published in lots of solid literary magazines. It happened because he was seriously involved in investigating Eastern philosophy, arts and spiritual practices. He made 6 trips to India and 2 trips to Nepal, participated in the expeditions to the mountains in Nepal, India and Altai, climbed to the top of 4000 metres, and he visited ashrams, met wise and saint people who are included in the number of 108 mahatmas being in charge of the spiritual processes in India. As a result of these trips he wrote a book named “I Was Looking for Russia In India: Travelling around Ariavarta”. During a long time he was studying the Indian, Chinese and Persian poetry, composed some imitation poems, made

free translations of the Sufi poets of the VIII—XX centuries and edited a book called: “Caravan of Eternity”. The book was exhibited at the International Book Fair in Iran and Yuri became a prizewinner of the literature reward in the nomination of “artistic translation”.

Klyuchnikov’s first experience in writing poetry happened at the age of 12 when he attended the literary club and was published in the local media in Kuznetsk. Then he worked as a journalist, wrote articles, plays and stories. His writings were not published but were popular with radio listeners. His first serious success came in 1982 when a famous magazine “Moscow” published just one poem, then he was acknowledged by famous writers and journalists: Astafiev, Solntsev who were very positive about his poetry and selected some of his poems to enter the collection of verses. Klyuchnikov got married and had two children. His wife is an artist and runs the local “Russian Club”, his son Sergei is a psychologist, philosopher, writer and editor and his daughter Marina. She lives and works in Novosibirsk.

Since 1990 Yuri Klyuchnikov has published 26 books of poetry, prose and articles: “About the Mission of Russia” (1989), “Good news of the Good Epoch” (1991), “Mystical Pushkin” (1992),

“To Beloukha” (1992), “Icons” (1993), “Heavenly Russia” (1994), “The White Island” (2000), “The Poet and the Fairy. Esoteric Fairy Story about the Travellings of the Soul in Visible and Invisible Worlds” (2004), “Powers of the Soul: Experience in Mastering” (2005), “Annual Rings” (2006), “I Was Looking for Russia in India” (2009), “Images of the Russian Culture” (2009, 2012), “The Russian Window” (2010), “The Autumn Pray. A Lyrical Diary” (2011), “Home and Smoke. Lyrical Conclusions” (2013), “The Music of Words and Colours. Heavenly Russia” (2014), “Where does Beauty Come from?” (2015), “My Soul, Let’s raise the Sails!” (2015), a collection of free translations of the Sufi poetry of the VIII—XX centuries “Caravan of Eternity” (2016), “Premonition of Spring: Memories and Speculations about Time and Destiny” (2017), “Celestial chrysanthemum: 30 centuries of Chinese poetry” (2018), “My soul, Let’s raise the Sails! Favorites” (2020), “Shakespeare’s Sonnets and Poems. Poetry of the Shakespearean era” (2020), “The Word of Ariavarta: 35 Centuries of Indian Poetry” (2021), “John Donne. Growing Love: One Hundred and Twenty Best Poems”(2021), “In Search of Paradise: Philosophical Lyrics” (2021), “The message

about dawn: Chinese poetry of the late XIX — early XXI century” (2022).

His poems and prose were published in very prestigious magazines, such as: “Our Contemporaries”, “Siberian Lights”, “Literary Studies”, “Moscow Parnassus”, “Pushkin Almanac”, “Science and Religion”, newspapers “Tomorrow”, “Day of Literature”, “Soviet Russia”. He is the prizewinner of the forum “Golden Knight”, the hero of the documentary film “White Island” (director Tikhonov), besides he was awarded a special diploma “For the Philosophical and Poetical Search” at the international festival “Golden Knight”.

Poetry and journalism were highly evaluated by well-known literary men of various directions, writers and poets such as: V. Astafiev, V. Soloukhin, V. Kozhinov, Y. Seleznev, V. Sidorov, E. Evtushenko, V. Likhonosov, A. Prokhanov, V. Bondarenko, L. Anninsky, V. Smirnov, G. Ivanov, V. Kalougin, E. Balashov, A. Parpara, S. Zolotsev, V. Kurbatov, L. Hanbekov, Y. Linnik, V. Kostin, S. Dmitryev, M. Bushueva.

The author is a 90 year old poet — Yuri Klyuchnikov, is one of the best masters of verses, who went through dramatic collisions and spiritual searches, and he tells us about his achievements and losses, his merits and demerits. His book reflects

the atmosphere of the gone epoch, speculates about modern life, Russian history, poets and poetry. The author illustrates his comments with poems, dialogues with his son, documents and it makes the narration convincing and absorbing. The book starts with a “note” that opened his case when he insisted on reviewing the basics of the Communist party, and it is full of documentary evidences of the party meetings, conflicts and discussions about his life and future career.

Any person who is interested in the history of our country, in the reasons for the splitting of the Soviet Union is surely to fall in love with this book.

СОВРЕМЕННОКИ (ЛИТЕРАТОРЫ, ДЕЯТЕЛИ ИСКУССТВ, УЧЁНЫЕ) О ЮРИИ КЛЮЧНИКОВЕ

Виктор Астафьев:

«Каким-то кружным и долгим путём до меня дошли Ваши стихи, и прочёл я их с удовольствием... Среди них есть стихи совершенно зрелые, крепкие по мысли и форме». (1981)

Вадим Кожинов:

«Творчество Юрия Ключникова с его ясностью поэтической воли очень нужно современной России». (2000)

Станислав Золотцев:

«Восхождение новосибирского учителя, редактора, журналиста (а ряд лет — волею недобрых сил — и грузчика, ибо куда ещё податься изгнанному за “инакомыслие”), а затем и общественно-культурного деятеля Юрия Ключникова к поэзии было и остается, по существу, стезей обретения веры. Он пришел к высокому уровню стиха уже в очень немолодом возрасте, когда России,

как хлеб насущный, необходимо слово, исполненное мужества и мудрости. Его и дарит нам Юрий Ключников». (2005)

Владимир Бондаренко:

«Юрий Ключников, живя в Новосибирске, никак не может считаться неким “областным” писателем. Творчество поэта, философа, публициста, русского подвижника и пассионария, явно недооцененного в отечественной литературе, — это некая эстафетная палочка нашим культурным наследникам, переключка века двадцатого с веком двадцать первым, с новым тысячелетием». (2007)

Сергей Гонцов:

«Когда читаешь стихи сибиряка Юрия Ключникова, невольно вспомнишь и самого колоссально-го Шаламова, и Александра Межирова, и Арсения Тарковского, вовсе не благодаря какомуто стилистическому родству, но по причине родства духовного... да мало ли отчего ещё... В стихотворениях Ключникова (а наш автор ещё и замечательный учёный, эссеист, сказочник, паломничокчеркист и пр., то есть, как это принято говорить сейчас, — универсальный литератор) прежде всего с удивлением и радостью обнаруживаешь отпечаток какого-то необыкновенного ландшафта, точно на-

яву странствуешь по Горному Алтаю или стоишь в Восточных Саянах перед могучим кедром. Возникает ощущение, что глядишь на срез яшмы или малахита, несущий разом тысячи изумительных картин. То есть тебя как бы уводят в “океанское безвластье” (Мандельштам).

Но как Шаламов изумляет вовсе не подробностями колымских широт, так и Ключников берёт читателя чемто совершенно иным. Ну да, дух простора, небесноземные скитания — всё это есть.

И тут же ловишь себя на мысли, что здесь царствует МЕРА, которую Автор и Модель (так скажем) определили друг для друга. Обыкновенно же в “сибирских стихах” эта чудесная мера просто игнорируется»... (2007)

Евгений Мартышев:

«Литературный процесс в Новосибирске трудно представить без Юрия Ключникова — поэта, философа, просветителя, руководителя общественного объединения «Русский клуб». Он прожил трудную жизнь, но превратности судьбы не сломили отступника, не поколебали его убеждений. Со смирением и одержимостью страстотерпца Юрий Ключников продолжает духовное восхождение в поисках своего Белого Острова. А Белый Остров этот — мир в гармонии и согласии под эгидой Зиждителя, любимое, но неласковое Отече-

ство и... вечная, неувядающая поэзия. В ней литературный изгой черпает силы и несокрушимое жизнелюбие. И оно (его творчество) отнюдь не «глас вопиющего в пустыне». Ему благожелательно внимали столпы русской словесности: Виктор Астафьев, Вадим Кожинов, Юрий Кузнецов, Юрий Селезнев, Валентин Сидоров и др. Одна за другой в столице выходят его книги: «Стихия души», «Годовые кольца», публицистическая — «Лики». Растёт число поклонников его суровой Музы и в нашем городе. По воскресеньям они собираются во Дворце культуры железнодорожников, дабы послушать чеканные строки и философические размышления нестигаемого «солдата великой Империи». (2007)

Леонид Ханбеков:

«Об этой потаённости миров — тех, что есть, тех, что были, и тех, что, возможно, придут, — многие стихи Юрия Ключникова, до поры до времени бывшие как бы вне закона, вне литературного контекста, вне творческого состязания, вне пространства поэзии. Но вот пришли к читателю его книги, и стало видно, как загадки и тайны нерукотворного мира, что окружает нас, могут обрести форму народных притч и легенд, глубину философских обобщений и орнаментальность древних легенд, узорчатую красочность поэм на исторические сюжеты.

Любовь и ненависть. Созидание и небытие. Земля и Космос. Вечная тайна жизни всецело занимает его. С одинаковым упорством и жадной познания смысла жизни вопрошают Судьбу о планах Творца и русский неутомимый путешественник (бесспорное альтерэго поэта), и безмятежный ещёвчера турист, оторопевший от невиданных красот природы всего-то в сотнедрогой километров от привычного жилья и прозябания, вопрошают и каменный идол в алтайских степях, и египетский сфинкс гденибудь в древней Гизе... Строительство души, восстание её против пошлости и ханжества, против натужности и притворства — вот стержень его стихов». (2009)

Лев Аннинский:

«Юрий Ключников — замечательный сибиряк, “весёлый странник золотого века”, сумел выносить в душе и явить в творчестве истинно русское, то есть непоколебимо православное, мироощущение и по сей день является хранителем этого непобедимого образа мыслей. Тысячи своих строк он выдержал в рамках державинско-пушкинской традиции, не польстившись ни на какие авангардистские уловки. В его душе всегда жило ощущение некоего высшего начала, в свете которого получают смысл и советская власть (другой нет), и христианское вероучение (“Фаворский свет”)». (2010)

Владимир Смирнов:

«Слово Юрия Ключникова — живое свидетельство о путях и перепутьях своего и чужого, родного и вселенского. В его стихах “дышит почва и судьба”. А это вековечный “патент на благородство”, как писал некогда старинный русский поэт Афанасий Фет». (2011)

Валентин Курбатов:

«У нас уж лета-то вон какие, и поэтический “дневник” Юрия Ключникова (а это “дневник” зоркого, не дающего себе отдыха человека) горчит и саднит, как старая рана, но, к русской чести, “не уходит в запас”... Мне нравится, что Ключников в последние годы пишет порой не по одному стихотворению в день, отодвинув публицистику и литературное ведение, потому что стих вернее держит дыхание жизни, её пульс. Золотое качество Ключникова в том, что он не спрямляет дорог и в гордости империей и русским человеком глядит на этого человека без лести». (2013)

Станислав Джимбинов:

«Одно бесспорно: Юрий Ключников мастерски владеет поэтическим словом, его переводы читаются легко, в них не спотыкаешься на темнотах, поскольку всю работу по расшифровке “тёмных”

мест поэт взял на себя, о чём он говорит сам... Таковой обширной антологии французской поэзии, выполненной одним переводчиком, у нас ещё не было ни до, ни после революции». (2014)

Феликс Кузнецов:

«Юрий Ключников — один из самых умных и глубоких литераторов нашего времени. Я не буду говорить о его стихах, мне сподручнее говорить о публицистике и эссеистике сибирского автора. Мне очень понравилась статья Ключникова “Непонятый доктор” о Пастернаке. Поразила не только тем, каким лёгким, изящным слогом она написана, но своей глубиной и смелостью сопоставления “Тихого Дона” и “Доктора Живаго”. Я занимаюсь Шолоховым много лет и никогда не встречал, чтобы кто-то так интересно сравнивал Григория Мелехова и Юрия Живаго. Удивительно по своей точности само определение этих двух героев своего времени как “Русских Гамлетов”, каждый из которых мечется между двумя полюсами истории! А пастернаковский перевод Гамлета Шекспира — это заход к проблеме с другой стороны. Юрий Ключников пишет: “Пастернак восстановил облик подлинного Гамлета в своём великолепном переводе знаменитой пьесы Шекспира. И собственным поведением оправдал в русском интеллигенте то, что принимается за слабость”. Обоих героев, при всей

их разности действительно объединяла “страстность в желании через все противоречия эпохи дойти до сути, даже ценой собственной гибели”. Автор “Ликов русской культуры” убедил меня в том, что мы раз и навсегда должны сказать, что Пастернак — глубоко русский поэт прежде всего потому, что он очень этого хотел». (2014)

Ксения Мяло:

«В России всё ещё появляются — хочется думать, будут появляться и впредь, находя своего читателя, — всё новые и новые переводы, давно уже, казалось бы, переведённых строк. Очередным подтверждение этому можно считать выпущенную в 2015 году издательством “Беловодье” уникальную книгу ныне живущего русского поэта Ю. М. Ключникова, в заглавие которой вынесена строка из Шарля Бодлера “Откуда ты приходишь, красота?”, а подзаголовок поясняет: “Вольные переводы французской поэзии XII–XX веков”. Уже одно это останавливает внимание — как по масштабу охваченного времени (шутка сказать — почти целое тысячелетие жизни одной из самых богатых частей поэтического наследия Европы!), так и потому, что не столь уж часто переводчики сразу же, как говорится, с порога, сообщают о “вольности” своих трудов. При этом, как бы не довольствуясь только подзаголовком, Ключников

дополнительно заявляет своё переводческое “кредо” в строках собственного, предпосланного всему сборнику стихотворения: “Мне важно из безмолвия былого извлечь живую суть живой души”.

Тем самым давая понять, что речь для него идёт не только о достаточно “вольном” отношении к утвердившейся у нас переводческой традиции, предполагающей в целом сохранение всех особенностей оригинала — размера, строфы, системы рифм и даже, насколько это позволяет различие языков, созвучий, но о чёмто большем, что выходит за рамки имеющего давнюю традицию спора (в своё время в нём принял участие и Пушкин) между сторонниками верности “букве” подлинника и теми, кто первостепенной задачей своей видел передачу “духа” произведения. А именно: о праве переводчика на открытый диалог с переводимым поэтом, в который, так или иначе, вовлекается читатель, а временами даже на договаривание за поэта чего-то, как представляется переводчику, недосказанного или недостаточно ясно высказанного самим поэтом...

А потому уникальной особенностью сборника французской поэзии, подготовленного Ю. М. Ключниковым, особенностью, которая, собственно, и побудила меня к написанию этого очерка, можно считать впервые, как подчёркивает в предисловии к книге “Откуда ты приходишь, кра-

сота?» литературовед С. Б. Джимбинов, предпринятую им попытку соединить под одной обложкой французских поэтов XII и XX веков. Что даёт читателю исключительную возможность самому проследить пройденный за тысячелетие бурной истории Франции и попытаться угадать, несмотря на небольшой объём сборника, объединяющие их общие, родовые черты... Читателю предлагается весьма качественное и объёмное собрание переводов французской поэзии, которая, как видим, какимто образом блистательно состоялась». (2017)

Владимир Яранцев:

«Стихи Ю. Ключникова немногословны, но чувствуется в этой благородной сдержанности и собственная узда — самоограничение, взятое у классиков. В первую очередь — у А. Пушкина, поэта для Ю. Ключникова нехрестоматийного, “дежурного”, а задушевного, родственного по всем статьям и параметрам...

При всей широте его эрудиции, усугублённой знанием восточной философии, он остаётся сибиряком, новосибирцем, сформировавшимся как мыслитель и поэт вблизи, в присутствии Алтая и его священных гор. Природа Сибири, алтайская особенно, — не менее мощный энергетический фактор, чем русская и мировая литература с фено-

меном Пушкина. И это особо остро чувствуется в его сибирскоалтайских стихах.

Это поэзия непосредственного соприкосновения с землёй, её стихиями и ландшафтами, конкретики, реалий, вплоть до дачной (цикл “Дачные стихи”), насыщающих тело и душу поэта, дающих вдохновение для поэтических, философских, религиозных прозрений и откровений. “Мне нужно в горах побывать хоть неделю, / Чтоб год продержаться потом на плаву”, — пишет Ю. Ключников в стихотворении “Алтайская тоска”. “Тихая” лирика Ю. Ключникова — это не просто “природные”, общепонятные стихи, а процесс и плод его восхождения к “неслышанной простоте” в своей поэзии. ...Природа у Ю. Ключникова всегда обожена через очеловечение, через личное её восприятие, уравновешенное с объективным, реалистическим. И потому в одном таком сибирскоалтайском стихотворении обязательно присутствуют и конкретика, и метафизика, описание реалистическое и образное, а зачастую и высокий пафос постижения Истины. “Здесь всё кругом, как было, с пылу, с жару, / Явилось в мир из Божеской печи: / Цветы и лес, закатные пожары... / Здесь Истина, другую не ищи”, — пишет Ю. Ключников в “Алтайской рапсодии”». (2016)

Геннадий Иванов:

«В наше время из живущих так активно и плодотворно на восьмом десятке лет работают, пожалуй, только Глеб Горбовский и Константин Ваншенкин. Из недавно ушедших так работали в этом или почти этом возрасте Виктор Боков, Николай Тряпкин, Федор Сухов, Анатолий Жигулин, Алексей Решетов. Очень хорошие поэты. В этот ряд достойно встает Юрий Ключников...

Я уверен, что добрая слава о поэте Юрии Михайловиче Ключникове будет шириться и распространяться по России. Его надо читать». (2011)

«Юрий Михайлович Ключников живёт в Новосибирске, недалеко от его любимого места на планете Земля — Алтая. Поэтому так и хочется привести шукшинские слова: живёт такой парень! Даже несмотря на возраст парня, которому пошёл 87-й год! Но можно и подкорректировать: живёт такой Поэт! И в этом возрасте он весь в работе, в достижениях — недавно издал том переводов поэтов Франции XII—XXI веков “Откуда ты приходишь, красота?”, затем, совсем недавно, вышла его книга переводов суфийских поэтов “Караван вечности”. Вот у меня на столе блистательный том очерков Юрия Ключникова “Лики русской культуры”. Я с огромным удовольствием и читал, и перечитываю эти глубокие статьи, очерки, эссе о Пушкине, Бло-

ке, Булгакове, Гумилёве, Пастернаке, Шукшине, Кожинове...

Наконец прочёл, пока ещё в рукописи, большую книгу мемуаров Юрия Михайловича “Предчувствие весны. Воспоминания и размышления поэта о времени и судьбе”.

...Книга получилась очень густой на сюжеты, информацию, мысли. В неё автор включил несколько бесед с сыном Сергеем, который тоже философ и писатель. Темы бесед: от самых сложных, философских — предназначение человека и его сверхзадача, до самых животрепещущих и обыденных — сохранение здоровья и семьи. (Кстати, сам поэт, как говорилось, — долгожитель, работает ежедневно по 12 часов, живёт с женой 63 года, имеет двоих детей, двоих внуков и трех правнуков). Его беседы настолько интересны и познавательны (а надо ещё сказать, что Юрий Михайлович — один из самых образованнейших людей нашего времени), что профессор Литературного института Станислав Бемович Джимбинов, сам в высшей степени образованнейший человек, однажды сказал, что такого глубокого сотрудничества отца и сына, как у Ключниковых, он не знает во всей мировой литературе. Так что стоит особое внимание в этой книге обратить на эти беседы».

(2017)

«Интуиция и талант автора вольных переводов китайской поэзии Ю. М. Ключникова помогли ему почувствовать что-то очень сокровенное и подлинное в строках поэтических гениев Поднебесной. Его вольные переводы и переложения очень хорошо передают дух этой великой страны, образы, интонацию, ассоциативное богатство и тонкость поэтического мышления китайцев. С моей точки зрения, наиболее сильным и ярким в книге является третий раздел «Поднебесной хризантемы», где представлена вся китайская лирика от древности до сегодняшнего дня. Хорошо выглядят и архаические стихи, да и философская поэзия переложена очень красиво. На меня большое впечатление произвели как притчи Чжуан Цзы, так и поэтическое переложение знаменитого трактата «Дао Дэ Цзин». В целом в переводах и переложениях Ю. М. Ключникова есть чувство подлинности и правды, и каждый переводимый им поэт встаёт сквозь строки словно живой. Автору книги удалось показать поэтическую индивидуальность каждого поэта, отличающую его от других мастеров стиха. Они звучат как хорошая русская поэзия с нашими родными размерами (хотя восточный колорит передан очень ярко) и в таком виде лучше усваиваются нашими читателями.

В каком-то смысле — это новое слово в традиции русских художественных переводов. Много

русских поэтов, включая Пушкина, интересовались китайской культурой и поэзией, но ни один русский поэт не переводил китайскую поэзию в таком объёме. У Фета, Гумилёва были только подступы к решению этой задачи. Анна Ахматова сделала больше, но это нельзя сравнить с той большой задачей, которую поставил перед собой и, главное, решил Юрий Михайлович Ключников. (Я не сравниваю сейчас известность этих двух поэтов и масштаб их дарования, а говорю именно об объёме сделанного.) С одной стороны, это свободные, вольные переводы и переложения китайских стихов, а с другой стороны — довольно точные тексты, передающие не только дух, но и нередко букву первоисточника. К тому же они снабжены солидным справочным аппаратом — предисловием автора книги, биографическими справками (живо написанными и весьма подробными, может быть, иногда излишне), словарём поэтических терминов, большим послесловием сына и издателя поэта, в котором рассказывается об истории поэзии Поднебесной. Всё это делает книгу очень ценным пособием для изучения китайской поэзии. Её бы направить в вузы, где изучается китайский язык, где готовятся кадры для сотрудничества наших двух великих держав». (2018)

Надежда Мирошниченко:

«Я бы всем сегодняшним разработчикам новых учебников истории России посоветовала читать стихи Юрия Ключникова. Удивительная грань — правда по краю пропасти. И нигде ни разу не сорваться. И везде найти баланс мечты и ошибки и пройти посередине по пути Истины. И столько любви и к Богу, и к Отечеству, и к Русскому Человеку, и к Жизни. И какое это счастье — Труженица Поэзия на службе вдохновенного Таланта. И какой вы молодец, Николай Дорошенко, что достаёте из глубин нашей России золотые слитки вдохновения и щедро дарите их нам. Кланяюсь обоим: и Поэту, и Редактору. Слава России!». (2016)

Владимир Костин:

«За словами “Поэзия Юрия Ключникова” встаёт огромный мир, огромный хор поэзии, мировой и российской, от Пушкина до суфиев, мир евразийски выразительный — мир влюблённого в поэтическое слово читателя и ответственного посредника, своеобразного гида на его маршрутах. Не может не поражать широта эстетического зренья Ключникова и его принципиальная гармоничность. Это мир его предпочтений, его избраний, но это цельный мир, диалогически связанный и

ощутимо полный, онтологически и художественно самодостаточный». (2015)

«Книга переводов сонетов Шекспира и поэзии шекспировской эпохи, созданная Ю. М. Ключниковым доставила мне много положительных эмоций. В этой теме трудно удивить чем-то новым, но меня эта книга приятно удивила, хотя я давно знаком с оригинальным поэтическим творчеством этого автора и его вольными переводами мировой поэзии. Во-первых, высоким качеством переводов, это касается и сонетов Великого Барда, и переведённых стихов королевы Елизаветы, Филипа Сидни, Бена Джонсона, Джона Донна. Во-вторых, объёмом проделанной переводческой работы. Не припомню издания сонетов Шекспира, которые соседствовали бы с целой обоймой тогдашних лучших поэтов. Это позволяет понять поэтический контекст эпохи и взаимосвязи между Шекспиром и его окружением, например, соперничество великого Барда и Джона Донна. Ключникову удалось передать возвышенный дух шекспировских сонетов, несущих в себе и влияние эвфуизма, и одновременно его преодоление.

Впечатляет и большая работа, проделанная сыном поэта, философом и психологом С. Ю. Ключниковым, — его обширная статья, посвящённая теме авторства Шекспира. За несколько веков споры на эту тему не утихли, а стали острее, причём

вопросы, поставленные ещё в прошлом веке, до сих пор не получили внятных ответов от официального шекспироведения. С. Ю. Ключников свёл воедино все вопросы и гипотезы о том, кем был Уильям Шекспир, и попытался развить версию М. Д. Литвиновой о двойном авторстве Фрэнсиса Бэкона и графа Ратленда. На мой взгляд, система доказательств приведена убедительная, и теперь игнорировать вопросы всех сомневающихся в официальной версии больше невозможно. Сделан ещё один шаг на пути к раскрытию Великой Тайны». (2019)

Юрий Ащепков:

«Физикам известен такой факт: элементарная частица реагирует на взгляд наблюдающего за ней исследователя. И даже две частицы при появлении третьей начинают менять свои характеристики. В химии при соединении (реакции) двух реакторов происходит превращение одних в другие. При этом исходное вещество расходует свою энергию и отдаёт её веществу новому.

Но особенно ярко реагируют на соседей растения. Садоводы знают, что от одних “соседей” растения погибают, от других бурно развиваются, ускоряя темпы роста.

Говорю о таких ассоциациях, имея перед глазами новую книгу Ю. М. Ключникова “Душа моя,

поднимем паруса”! Никогда ранее поэт не соединял переводы французской и арабской поэзии со своими стихами. Не потому, что раньше не делал переводов. Просто высокая требовательность к себе и ответственность мастера перед ликом Времени не позволяли ему ставить себя в один ряд с Верленом и Саади. Но произошла удивительная вещь: собственные стихи поэта от соседства с французскими и арабскими засияли необычными до того скрытыми красками. Произошло удивительное взаимодействие трёх поэтических культур, слияние их в единую симфонию мудрости. И каждая из трёх культур, не теряя своей индивидуальности, засияла своим светом, обогащённая душами соседями.

Впрочем, надеюсь, что о новой книге поэта заговорят и сегодня первой строкой приведённого здесь эпиграфа из Гёте. Перед нами впечатляющий поэтический эксперимент, подобный алхимическому соединению трёх элементов. В результате получился философский камень, с разными гранями высокой духовной мудрости и красоты. Зазвучала космическая музыка, не боюсь сказать так, с тончайшими оттенками чистых чувств и смыслов. Без них нет человека. собственно, никогда и не было. Просто иногда негде укрыться от угрожающего миру потребительского варварства и политического хаоса. Можно спастись только там, где

есть философский камень-спаситель, обнаруженный для нас большим художником. Поклонимся ему за это. А ещё за то, что новых его откровений мы ждём с возрастающей радостью и нетерпением». (2015)

Сейдахмет Куттыкадам:

«Так получилось, что мне, журналисту из Казахстана удалось ознакомиться с книгой “Караван вечности” ещё в рукописи, раньше, чем читатели из России. И я, пользуясь случаем, решил высказаться об этой книге и о творчестве поэта, тем более что до этого я знакомился с его книгой “Душа моя, поднимем паруса!”. Я — горячий поклонник русской культуры, и поэзия Юрия Ключникова на меня произвела большое впечатление своим классическим русским стилем и выстраданностью. Это большая и настоящая поэзия. Всё, что пишет и переводит Юрий Ключников, несёт в себе особую одухотворенность и изысканную чувствительность. Что касается переводов, то они — изумительны, и они очень точно передают восточные особенности мысли, языка и стихосложения, а самое главное — мудрость. Я родом из города Туркестан — родины Ахмета Ясави и ещё застал последних суфиев — его последователей. Поэтому всю жизнь испытывал тягу к суфизму. В суфизме два основных течения — поэтический ирфан и

аскетический тасаввуф, в чистом виде они почти не встречаются, как правило, имеет место смешение их в той или иной пропорции. И в переводах Юрия Ключникова это можно различить». (2016)

Зинаида Лапина:

«Я знакома с творчеством сибирского поэта и переводчика Юрия Михайловича Ключникова уже много лет и прочитала целый ряд его собственных поэтических книг, переводов французской и персидской поэзии. Это тот редкий случай, когда, читая поэта, чувствуешь, что нет ни одного стихотворения, которое я бы не приняла как нечто очень близкое сердцу. Моя высокая оценка в полной мере относится и к его вольным переводам и переложениям китайской поэзии в книге “Поднебесная хризантема”. В ней Ю. М. Ключников охватил огромный период китайской поэзии длиной в 30 веков — от «Шицзина» до Мао Цзэдуна. Ю. М. Ключников создал оригинальный жанр. Средствами русской поэзии с её рифмами и размерами он точно и качественно сумел передать настроение и дух каждого из представленных китайских мастеров слова. Для меня его вольные переводы и переложения, приближающие китайскую поэзию к русской, и его стихи по мотивам лириков Китая, сопоставимы с оригиналом. Ю. М. Ключников показал, насколько сакральна поэзия китайцев, даже если

речь идёт о бытовых темах, явлениях природы или простых человеческих чувствах.

Удивительно, что это удалось сделать человеку, который не знает китайского языка. Кстати, само знание языка ещё не гарантия успешного перевода китайских стихотворений. Ю. М. Ключникову это удаётся благодаря его большому художественному таланту, что подтверждают его коллеги — известные российские литераторы. Поэт проник в тайны китайской души и показал нам всем, что эта душа созвучна русской душе. Можно сказать, он искал Россию в Китае и нашёл её в стихах и одах поэтов Поднебесной.

Но нельзя не сказать ещё об одном объяснении творческого успеха 87-летнего поэта, всю жизнь занимавшегося большой духовной работой и над освоением наследия Востока, и над собой. Такая работа пробуждает в творце мудрость и художественный дар — поэтическую интуицию. На крыльях “шестого чувства” поэт преодолевает языковые и культурные барьеры, видит истину и проникает в глубину и суть поэзии. Ему удаётся соединить тщательное изучение подстрочников и многочисленных переводов с собственными интуитивными прозрениями. Благодаря этому он пробивается сквозь сложнейшую “китайскую грамоту” иероглифов. В стихах Ю. М. Ключников

достраивает невидимые грани образа и смысла до совершенной гармонии и полноты». (2018)

Бронислав Виногородский:

«Книга переводов и стихов по мотивам китайской поэзии, выполненная настоящим одарённым поэтом Юрием Ключниковым, является бесценным вкладом в изучение культуры и искусства Китая.

Основная цель поэзии — оформить и передать переживания от соприкосновения с миром. Сделать это может поэт, умеющий описывать свои переживания не прямо, а через образы. Именно это и делает книгу Юрия Ключникова бесценным шедевром нового типа в китаеведении. Я не побоюсь применить определение “прекрасный китаевед” к этому талантливому и смелому поэту-исследователю». (2019)

Сергей Маркус:

«Радостно быть современником Юрия Ключникова. В нём раскрывается новый тип русского человека. Это истинно русский — в служении своему народу и своему языку. И это всечеловек — в лёгкой и радостной открытости французскому, индийскому, иранскому... Недаром же Достоевский говорил о “всемирной отзывчивости русской

души” в Пушкине. Но ведь Пушкин лишь только начал открывать многие горизонты... и многое не успел. Так и Ключников — и не успел, и... не успеет. Отчего же так? Да оттого, что человек, нами видимый сегодня, не вечен — но, причастный вечности, проходит сквозь множество слоёв времени.

Очевидно, что и сибиряк Юрий Ключников до появления в России прошёл многие круги культур, языков и разных народов — отсюда и внутренняя память, и любовная отзывчивость. Очевидно, что возраст не умалит в нём жадности открытий и он пройдёт ещё множество странствий, которых мы здесь не увидим.

А визна для нас вот в чём: русское общество не позволяло ранее быть личности одновременно сразу в нескольких измерениях. Западное и восточное, христианское и исламское, да ещё индуистское... советское и древнерусское... Ничто не исключает ничего. Мир целостен, полифоничен, хоть для удобства познания и разложен по полочкам.

Ключников — русский всечеловек, многогранный, до конца не воплощаемый. Он каждому из нас показывает: не бойся быть искрой Вселенной, которая жаждет в тебе отразиться!». (2017)

Николай Серебрянников:

«Книга “Караван вечности” — настоящее историческое исследование: отбор имён и произведений — это работа знатока и художника. Книга, созданная Юрием Ключниковым, раскрывает духовные запасники мусульманского Востока, парадоксально активизировавшиеся в конце XX века. Она — итог долгого пути, результат проникновения в душевный строй чужой, казалось бы, далёкой культуры. Выбор личный, глубоко осознанный. Драматично шла жизнь Юрия Ключникова, в ней сказался последний российский надлом, поэзия стала и раздумьем о Родине, и самообороной души.

Издание подобной антологии в наши дни своевременный и значимый культурноисторический и даже политический поступок, важный жест, вносящий необходимые коррективы в разворачивающийся евразийский полилог.

С праздничной наглядностью российский читатель убеждается в том, что ужасы жестокой реальности наших дней чужды вековой высокой культуре Востока, неорганичны для неё — и неизбежно преходящи. Гармония божественного и человеческого начал, звучащая (и роль суфиев здесь воистину определяющая) в поэзии Ближнего и Среднего Востока из рода в род, из поколения в поколение, целительна — она говорит о непрехо-

дыщей ценности идеалов братства людей и народов, о том, что Взаимопонимание неотменимо, как воздух, вода и улыбка.

И прекрасно, что роль посредника принял на себя Юрий Ключников, Замечательный поэт и необыкновенный эрудит, живущий под девизом «хочу всё знать и понимать». (2017)

Сергей Небольсин:

«Перед нами книга “Поднебесная хризантема” — соцветие, даже созвучие голосов. Это долгая, многовековая и многотысячелетняя музыка поэтического Китая. Это долгий, полный трудов и богатый успехами путь переводчика. Впрочем, переводы у него по праву становятся перепевами (в хорошем смысле), переложениями, художественным развитием китайской поэтической темы. За несколько тысяч лет своего звучания она прошла путь от глубокой древности до современного творчества такой, скажем, величины, как Мао. Эта тема чудесным образом развита и в смене поколений внутри рода творчества Ключниковых. Сын собирателя и переводчика снабдил книгу полезным комментарием и глубокими раздумьями, с которыми интересно знакомиться даже искушенному читателю.

Хочется надеяться, что эта преемственность обогатится новыми поколениями русских читате-

лей, переводчиков и комментаторов. Предрешить нынешней антологии вековой успех, может быть, рискованно, но нет сомнения, что она найдёт отклик в душах множества читателей, а возможно, и новых переводчиков китайского поэтического сокровища. Вот та надежда, которая крепнет у читателей Ключникова и которая наверняка даст богатые плоды в будущем». (2019)

Мария Бушуева:

«Ю. М. Ключников не просто сохраняет свой мудрый идеализм, но борется за него и в эпоху победившего китча и постнуара, в которую, если искусство не заигрывает со злом, оно начинает казаться обывателю несовременным, упорно отстаивает разумное, доброе, вечное, отдавая приоритет высокому и, как в жизни, так и в искусстве, ориентируясь на «чистейшей прелести чистейший образец», противоположный, а отнюдь не близкий гламуру.

Что касается его партийной истории, то нужно сказать, что Юрий Ключников не извлек из своего инакомыслия и конфликта с тогдашней властью никакой практической пользы, не получил даже малейшей выгоды. Потому что действительно был и остаётся идеалистом, то есть представителем той уникальной породы истинных «аристократов духа», которые всегда были в меньшинстве, а сей-

час становятся и вообще раритетом. Но без такого идеалистического слоя народа просто нет. И конечно, он остался верен своим идеям.

...«Китайский проект» Ю. М. Ключникова — это русскокитайский поэтический мост, воздвигнутый 87летним поэтом, который, точно бессмертный мудрец Поднебесной, прошёл через тридцать веков китайской поэзии под зонтиком любви к ней, не опровергая традицию перевода и переложения китайских стихов, существовавшую до него, но следуя ей и даже порой вплетая её точные ритмы в то, что расслышал у китайских поэтов сам. Можно пожелать читателям путешествия по этому мосту, соединившему в наше сложное время два великих поэтических берега — русский и китайский». (2019)

Анатолий Побаченко:

«Духовный проект Юрия Ключникова, именуемый как перевод великой Всемирной поэзии на русский язык, задуман в молодые годы, когда он изучал иностранный язык (французский), совершенствовался и рос как поэт России, видел не только поэзию европейскую, но и суфийскую, китайскую, индийскую.

Русский поэт Ю. М. Ключников, живущий в Новосибирске, в одиночку вот уже несколько лет осуществляет свой проект по сближению великих

культуры и единению народов. Он неустанно (по 10–12 часов в день) ведёт свою подвижническую деятельность, внося немалую лепту в общее дело. Жанр перевода из... подражаний, заимствований, переложений, вольного перевода, пародий, откликов, переключек, стихов по мотивам существует, несмотря ни на что! Однако два способа переводов (“верный” и “вольный”) доминируют при освоении мировой литературы. Поэт Ключников в первую очередь яркий мыслитель, блестящий стилист, стихотворец, несущий знамя классики в новое время, а во вторую он — писатель, свободно владеющий всей полифонией русской речи, её великолепными тропами.

В чём сила поэзии Юрия Ключникова? В утверждении бессмертия классических традиций в современной поэзии, неисчерпаемости силлаботоники, в возможности каждому истинному и ответственному поэту внести свой вклад в удержание литературы от распада и забвения, чтобы помнил добро “всяк сущий в ней язык”. Примечательна роль личности поэта, его вера в могущество слова, поразительна убеждённость в правоте своего дела, способного сблизить великие культуры мира и сохранить их». (2019)

Александр Горянин:

Я просто покорён мастерством Ю. М. Ключникова как русского поэта, ненатуральной точностью его вольных переводов. Есть прекрасный критерий: оценивать стихи, уже известные по каноническим переводам. Вот «Весна и осень» Беранже в версии Василия Курочкина. Кажется, лучше перевести невозможно. Но читаю перевод Ключникова и ясно вижу: не уступает! А если бы я не знал курочкинский с детства и прочёл оба впервые, подозреваю, предпочёл бы перевод Ключникова.

Следом идёт «Не надо о политике, мадам» — и это определённо лучше, ёмче и точнее перевода Всеволода Рождественского! И так далее.

«Как нарисовать птицу» Превера, вижу: это не подражание, а перевод, причём куда лучше, чем кудиновский.

Предмет отдельного восхищения — Омар Хайям, давно уже вошедший в пантеон русской поэзии. Есть столько переводов и подражаний (именно), что расплодилось тьма неумелых фантазий «на тему», даже с парными рифмами! А тут — истинный Хайям.

Свыше двух тысяч оригинальных стихотворений и полторы тысячи стихотворных переводов! В случае Ключникова мы вправе (и даже обязаны) включать переводы в общий зачёт не только по причинам, упомянутым выше, но и просто пото-

му, что они в большинстве своём превосходны, он бережный соавтор тех, кого любит и переводит. А сверх того, Ключников — автор двух десятков книг. Это проза, эссеистика, путешествия, мемуары, сказки, переводы... Он далеко обогнал всех, кто в XXI веке пробует разговаривать с мировой классикой в стихах и переводах. По складу личности он — универсалист, которому доступны все жанры, очень разнообразный в своём творчестве. Он гармоничный и счастливый человек, нашедший своё Беловодье. Естественно, Ключникову хочется, чтобы Беловодье обрела вся его любимая страна. (2020)

Алексей Шорохов:

Автору книги «Душа моя, поднимем паруса!» (М.: Беловодье, 2020), большому русскому поэту и блистательному переводчику Юрию Михайловичу Ключникову исполнилось 90! Иные времена, иная судьба...

А прописка всё та же — русская литература.

Хотя... слова «русская литература», наполнявшие восторгом Гамсуна и Томаса Манна, Хемингуэя и Поля Валери, Сартра и Рильке — в нынешней расфасовке всё чаще напоминают вкусом «оцет с желчью смешен», то самое горькое питьё, которым гонители пытались усугубить крестные муки Спасителя. И горько не только оттого, что кто-то

подобное будет обязательно читать, но и потому — что подлинные чудотворцы русского слова (такие как Юрий Ключников или Владимир Личутин) остаются в беззвучии посреди грохочущих и пустых бочек современности.

Тем важнее сказать о них, о чудотворцах, именно сейчас!

Книгу Юрия Ключникова можно назвать трючастной — по аналогии с богослужебными, которые называются в Православии «триоди» и состояются из трёх частей. Первая (и самая важная) часть книги — это лирические стихотворения. От сердца к сердцу. Родина, её богоданная природа во всём многообразии русских пространств — от Крыма и воюющего Донбасса до Алтая и Центральной Сибири; история России её боль («Отчизны затянувшийся позор...») и исчерпывающие, надмирные всечеловеческие смыслы; и, конечно, сама жизнь поэта — иногда внутри, иногда чуть-чуть сбоку (с приглядкой и оценкой), а иногда и по-над временем. Говоря о стихах Юрия Ключникова, правильнее было бы назвать их «тектонической поэзией». Много смыслов можно извлечь из этого определения, но есть один — о котором особо.

Одинокая вершина видится издалека. Её все знают, она попадает на модные туристические фото, этикетки бутылок и сигарет. Другое

дело — горная гряда: идёшь, идёшь, перевал, за ним — вершина, одолеешь — а там следующая. И так — 90 лет. Здесь и невероятный литературный подвиг, и грусть непризнания и преодоления твоего пути другими. Грусть всего нашего времени, возможно — времени вообще. Тем не менее, человек, работающий в Слове, уже приобщён вечности. И здесь он не одинок. Рядом встают Блок и Гумилёв, Ломоносов и Пушкин. (2020)

Виктор Боченков:

Сборник вольных переводов французской поэзии Юрия Ключникова называется «Откуда ты приходишь, красота?».

Название напомнило мне об одной книге, она есть у меня. Это исследование французского филолога Кристофа Каррера о Леконте де Лиле — одном из тех, кто включён в сборник. Понятно, его имя вряд ли можно бы было обойти стороной. Французский филолог, написавший биографию поэта, дал ей подзаголовок: «Страсть красоты». Или, если угодно, «одержимость Прекрасным». Не знаю, как перевести это «la passion du beau».

Здесь и страсть, и устремление, и боль — тяжёлая ноша, крест... Вопрос о красоте отсылает к античным временам, и, поскольку он вечен, звучал и до них, будет звучать после нас...

Знакомство, изучение чужого есть в то же время путь к себе.

Сборники Юрия Ключникова надо воспринимать тоже целостно — сами переводы и переложения, послесловие от автора, сведения о поэтах... Точно так же, как «Поднебесная хризантема», выстроен сборник вольных переводов персидской (суфийской) поэзии XVIII—XX веков «Караван вечности». Целью поэта, вернее, одной из целей, было сохранить сакральную глубину поэзии, вникнуть в духовную основу суфизма и пройти тем же путём, каким прошел поэт. Русский поэт «увидел в суфийской поэзии с её служением высшей любви и красоте разновидность самостоятельного духовного пути к Богу». Дело поэта становится его творчеством, а творчество — делом. Поэзия даёт возможность прозрений, прорыва к высшему откровению.

Как лишнее доказательство разносторонности поэта — его переводы и переложения поэтического наследия Уильяма Шекспира и поэтов шекспировской эпохи. Понятно, чтобы браться за такое, надо быть уверенным в себе.

Юрий Ключников выбрал свой путь и знает его. Пойдём вместе с ним. На страницах его книг нам откроется многое... (2020)

Константин Фролов-Крымский:

Творчество Юрия Михайловича Ключникова в полной мере соответствует тем канонам, которые составляют основу высокой Поэзии. Здесь и форма, и содержание, и животрепещущие проблемы нашего времени, и исторические картины и сюжеты, и обращение к творчеству зарубежных творцов поэтического слова — всё на высоком уровне, с частицей своего мировоззрения и мироощущения человека, прошедшего огромный путь, наполненный испытаниями и преодолениями, открытиями и достижениями. (2020)

Вячеслав Лютый:

Рифма в переложениях Ключникова соединяет сентенции Востока, порой абстрактные для русского ума и плохо формулируемые в рамках иноязычного художественного изложения, с отчётливостью лучших примеров отечественной стихотворной практики. Не используя в чистом виде афористичность, переводчик, тем не менее, стремится к пушкинской формуле внятного литературного слога, и уже поэтому древнекитайская архаика превращается под его пером в слегка стилизованную под старину живую картинку — философски емкую и изобразительно яркую. При этом назидательные строки у Ключникова не кажутся

прописными истинами, за словами слышится дыхание русского автора, преодолевающего крутые взгорья своей собственной судьбы. Переводы стихотворений нового времени во многом утрачивают самобытность прежних образцов поэтического Китая, однако в них есть то, что сегодня почти уже не найти в современной западной лирике: способность удивляться красоте, искренности, понимать важность серьезных поступков и хранить верность своей родине, бережно относясь ко всем событиям её сложной, противоречивой — но всё-таки цельной истории. В переводах персидской — суфийской — поэзии Ключников удивительно точно находит интонации, казалось бы, взаимно исключаящих эмоциональных состояний: спокойной мудрости и сильной воли, которая определяет жизненный путь человека. Переложения Ключникова совсем не кажутся «непозволительными вольностями» версификатора. Они подчинены магистральной цели: ввести поэзию другой культуры в русский литературный контекст, максимально сохранив интонацию первоисточника.

Эта приверженность Правде в её высшей — возможно, надмирной ипостаси встречается в стихах Ключникова самой разной тематики. Такое свойство поэта характеризует его, в первую очередь, лично, а уже во вторую — накладывает отпечаток на все художественные средства, кото-

рые он использует в лирике. Он не делит историю родины на эпохи успеха и «чёрные дыры»; её движение сквозь годы и века для художника непрерывно. Но показать превосходные и прискорбные черты прошедших времён — в его власти, это продиктовано чувством долга. Как говорил Александр Блок, нужно говорить правду. По отношению к художнику такой императив звучит как самоидентификация.

У Ключникова практически везде прослеживается мысль о predeterminedности судьбы России, которой свыше назначены сроки мытарств и обретений. Поэт склонен мифологизировать действительность, но подобное художественное свойство у него замыкается на евангельские предначертания и на загадочность пути России. Его стих просторен и свободен по речи, реалии естественно соседствуют с умозрением, с духовными проекциями. Для него важно «доопределить» собственные чувства и сформулировать свою мысль о мире — эти две задачи он, видимо, считает главными. (2020)

Александр Астраханцев:

Как пишет Юрий Михайлович Ключников, «поэтическое творчество Пастернака, как и проза Шолохова, по сей день остаётся для меня эталоном советского периода русской литературы». Да, хотя Пастернак и призывал: «Нельзя не впасть к концу,

как в ересь, / В неслыханную простоту», — сам-то он шёл к этой «неслыханной простоте» необычайно сложными путями, через удивительную, просто головокружительную усложнённость своих тем и образов; поэтика же Юрия Ключникова — будто он усвоил совет старшего собрата сразу и навсегда: от раннего творчества и поныне тяготеет к простоте и ясности поэтической мысли, к трогательной, иногда просто беззащитной обнажённости поэтического образа, так что его поэтика, на мой взгляд, ближе к поэтике великого реалиста в поэзии и прозе, «мастера необычайно точных и тонких запечатлений» (по словам А. Твардовского) Ивана Бунина.

В японском литературоведении, так не похожем на европейское, есть понятие *макото*; дословно переводится оно на русский язык одновременно и как «дело», и как «правда, «истина»; в художественной же литературе *макото* обозначает реальную, истинную красоту явлений жизни и чистых, искренних побуждений и чувств человека. Всё это я говорю к тому, что я вижу поэтическое творчество Юрия Ключникова именно в таком вот ракурсе: ракурсе японского *макото*.

Елена Крюкова:

В изумлении стоишь перед Храмом Человеческого Духа, вольно расписанным художником

слова XX—XXI столетия Юрием Ключниковым, и думаешь: как за одну малую человеческую жизнь этот художник смог сделать эти феерические фрески? (2021)

Владимир Павлюшин:

Из сердца его словно истекает невидимый свет. А глаза горят по-юношески ярко, а мысль так молода и стремительна, что во время разговора с трудом можно поверить, что перед вами старец 90-летний.

Для Юрия Михайловича Ключникова не подходят обычные шаблоны или штампы. Это человек невиданного трудолюбия и высочайшей пробы таланта поэтического. По моему мнению, его смело можно назвать живым классиком русской литературы, но при всем этом его скромность потрясающая! И все это, скорее всего, проистекает из редкого качества — быть искренним человеком. И это, пожалуй, самое сложное в наш период перемен между социализмом и капитализмом, между мировыми эпохами. Поразительная способность настоящего мастера слова. И это замечено всеми творческими людьми, когда после прочтения стихотворения или глубокого философского размышления у самого человека возникает острое желание написать что-то самому, и он как бы берёт займы

у мастера часть способности, подражая ему, в этом подражании приобретая свой особенный творческий почерк и узнаваемый голос. Такой способностью обладают стихи и переводы Ю. М. Ключникова, наполненные жизненным опытом и отличительной чертой мудреца, когда слова приобретают ценность высочайшей пробы.

Несомненно, этот человек внёс весомый вклад в русскую литературу, и особенно в достижение новых высот в поэзии, проделав титаническую работу по переводу французских, персидских и китайских поэтов. А то, что касается переводов Шекспира и поэтов его времени, то это новое слово в понимании творчества этих великих сочинителей эпохи Возрождения. Нужно обратить внимание, что Юрий Михайлович не обошел стороной и индийскую поэзию с её океаном ведической культуры и перевёл помимо Бхагаватгиты ещё и множество других текстов из наследия этой великой страны. (2021)

Сергей Арутюнов:

Главная вещь Ключникова народам, цивилизациям и мирам состоит в том, что несгибаемая вера в завтра у русского народа так и не отнята. «Я верую в русское чудо» — определяющая строка. Строка-кредо... То, что вьется или дремлет себе на самом дне сердца, то и подлинно. Ключни-

ков способен если не увидеть его глазами вполне себе зрячими, другим бы таких глаз, но, что куда важнее, ощутить, взять в руки и ни в коем случае не называть по имени: исчезнет. Эта рыба наших негромких рек — мечта о счастье. Мечта народная, святая... Поэзия в России — есть. Она проста и чиста, как незатейливый и трогательный за душу классический пейзаж. Низкий поклон за него Юрию Ключникову, старейшему, неиссякаемых сил сибирскому поэту без почестей пока и званий государственного уровня, но лишь с надеждой, что услышат когда-нибудь. (2021)

СОДЕРЖАНИЕ

- А. А. Маслов.* Потаённые смыслы
и солнечный свет китайской поэзии. 3
- С. Ю. Ключников.* Китайская лира двух столетий. . . 8

Часть I МАО ЦЗЭДУН

- Ю. М. Ключников.* Поэзия и судьба великого
кормчего (Предисловие переводчика) 21
- Лирические стихотворения. 39
- Горы 39
  - Снег 40
  - Люпаньшаньский хребет 42
  - Чанша 42
  - Великий поход. 43
  - Дабайди. 44
  - Славию мэйхуа. 44
  - Башня Жёлтого аиста 45
  - Пещера отшельника в Лушани 46
  - Воробей-миротворец 47
  - Праздник Двойной Девятки 48
  - Плаванье 49

Хуаньсиша	50
Почтенному Лю Яцзы	50
Женщинам, одетым в военную форму	51
Письмо жене	52
Куньлунь	54
Читая историю	55
Мама	56
Мальчик	56
Оплакиваю товарища Ло Жунхуаня	57
Приезд в Шаошань	57
Зимние облака	58
Взошёл на гору Цзинганшань	58
Победа	59
Народно-освободительная армия берёт Нанкин	60
Прощай, бог чумы!	61
Второй ответ товарищу Го Можо	63
Восстание осеннего урожая	63
Афоризмы Мао Цзэдуна в стихотворном переложении	64

Часть II
КИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XXI ВЕКА

Тань Сытун (1868—1898)	73
Любителю романтики	77
«Крики гусей растревожили память во мне...»	77
Гора Кунтун	78
Песенка об опиумном маке	78
Стихи о том, как везли провиант по горам Люпаньшань	79

Содержание

Лу Синь (1881—1936)	81
Дикие травы (краткое предисловие)	88
Го Можо (1892 — 1978).	91
Ваза (История неравной любви).	93
Ай Цин (1910—1996).	103
Два дерева	108
Венера	108
Весть о рассвете	109
Солнце	109
Разговор с углём	110
Восход Солнца.	111
Женщина чинит одежду..	112
Снег	112
Ода Свету (Отрывок из поэмы).	114
Чжэн Минь (1920)	117
Ты прошла осеннюю тропую	122
Окровавленный лилии цветок	123
Хай Цзы (1964—1989).	125
Азиатская медь.	132
Деревня.	133
Гимн пшеничному полю	133
Реквием.	136
Ко дню рождения	136
«Женщины моих минувших встреч...».	137
<i>Цикл стихотворений, посвящённых Сергею Есенину</i>	
Поэт.	138
Кукурузное поле	139
Хмельная родина.	139

Путешествие скитальца	140
Жизнь прервалась	141
Лян Сяомин (1963)	143
Стекло	144
Эпилог	145
Приложение	149
Биографические и справочные данные о Ю. М. Ключникове	151
Biography	155
Современники (литераторы, деятели искусств, учёные) о Юрии Ключникове	162

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«Беловодье»

✓ психология	✓ педагогика
✓ философия	✓ история
✓ культурология	✓ религиоведение

*Лауреат конкурса
«Лучшие книги России» (2003)*

*Дипломант конкурса
«Книга года: Сибирь – Евразия» (2017)
За лучшее издание художественной
литературы*

*Призёр конкурса
«Книга года: Сибирь – Евразия» (2019)
«Лучшая краеведческая книга»*

12+

Ключников Юрий Михайлович
ВЕСТЬ О РАССВЕТЕ
Китайская поэзия конца XIX — начала XXI века

Составитель, главный редактор:
С. Ю. Ключников

Шеф-редактор, pre-press:
М. Г. Юхимова

Обложка:
С. А. Китов

Формат: 70×100^{1/32}. Бумага офсетная. Печать офсетная.
6,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз. Зак. №
Центр творчества «Беловодье»

Издательство
E-mail: belovodje.moscow@gmail.com

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Производственная
фирма «Полиграф-Периодика»»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, д. 3